

★ ————— ★

ОДИН В ПОЛЕ ВОИН

Михаил
НЕСТЕРОВ

Михаил Нестеров

Один в поле воин

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=162552

Один в поле воин: Эксмо; Москва; 2004

ISBN 5-699-06205-X

Аннотация

Что связывает командира спецгруппы «Ноль» полковника Рожнова с криминальным авторитетом Курлычкиным? А что объединяет вора Грачевского и следователя-важняка Маргелова? Судье Валентине Ширяевой надо найти ответы на эти вопросы, и тогда она узнает, кто с особой жестокостью убил ее сына. Убийцы сделали свой выбор, Валентина тоже. Теперь она готова ступить на тропу беспредела, захватить заложника, пойти на все, чтобы приговор ее сердца был приведен в исполнение.

Содержание

Часть I	4
1	4
2	11
3	15
4	35
5	37
6	46
7	55
8	58
9	61
10	74
11	84
12	98
13	100
14	109
15	114
16	123
17	127
18	131
19	135
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Михаил Нестеров

Один в поле воин

Все персонажи этой книги – плод авторского воображения. Всякое сходство с любым реальным лицом – живущим либо умершим – чисто случайное. Взгляды и высказанные мнения героев романа могут не совпадать с мнением автора.

Не вари козленка в молоке его матери.
Пословица

Часть I

ИХ БЫЛО, ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ, ДВОЕ

1

Во Дворце спорта в этот день не проводилось никаких мероприятий. Валентина Ширяева прошла мимо закрытых касс и толкнула широкую застекленную дверь. Огляделась: пустующий буфет, алюминиевые вешалки гардероба с гроздьями номерков. Тишина. Слова охранника, расположив-

шегоя за столом справа от выхода, показались Валентине окриком:

– Вы к кому?

Она обернулась.

Ширяевой было тридцать восемь лет: полная, довольно симпатичная, глаза усталые, строгие. Сейчас на ее лице обозначилась доброжелательная улыбка. Переложив сумочку в другую руку, она поздоровалась и попросила разрешения пройти в зал.

Охранник в ответ недовольно буркнул:

– Сейчас там идет тренировка.

– Да, я знаю, – Валентина открыла сумочку и показала удостоверение.

Выражение лица ее собеседника сразу изменилось.

– Пройдите через восьмой сектор, – охранник указал влево от себя.

Он продублировал фразу, сказанную им десять минут назад высокому парню, которого он хорошо знал. С недавних пор тренер баскетбольной команды «Динамо» Андрей Осинцев запретил пропускать во Дворец спорта бывшего центрального команды Алексея Белоногова. Но, глядя на осунувшееся лицо баскетболиста, охранник не мог не откликнуться на его просьбу:

– Иди, Леша. Но так, чтобы тебя никто не видел. Пройди через восьмой сектор на задние ряды.

Он посмотрел вслед центральному и качнул головой: жаль

парня.

Валентина поблагодарила охранника и поднялась по ступенькам восьмого сектора. Остановившись у темно-красной шторы, она вначале посмотрела на хорошо освещенную площадку, где тренировались баскетболисты, потом заняла крайнее место в предпоследнем ряду.

Поначалу она не заметила парня, который сидел позади нее. Он так и остался бы для нее невидимкой, не поверни она невольно голову. Она словно бы искала собеседника. Дело в том, что Валентина никак не могла понять, по какой причине тренер явно недоволен спортсменом под десятым номером. Она никогда не интересовалась баскетболом, плохо в нем разбиралась. Во Дворец спорта же ее сегодня привели дела, далекие от популярной игры.

Ширяева едва не вздрогнула, когда, повернув голову, услышала за спиной тихий подсказывающий голос:

– Слава уже третий раз неправильно отдает передачу – принимающему неудобно. – Парень сзади улыбнулся ее обескураженному виду.

Она также ответила ему улыбкой и шепотом спросила:

– Вы что, можете читать на расстоянии чужие мысли?

– Я баскетболист и в жестах разбираюсь очень хорошо.

Ширяева поблагодарила собеседника, которого так и не смогла разглядеть как следует, и возобновила наблюдение за тренировкой. Но вскоре снова полуобернулась в кресле и попросила разъяснить некий баскетбольный нюанс.

Валентина не знала, что разговаривает с Алексеем Белоноговым, родной брат которого ровно десять дней назад подошел к ней на улице. Предложение от старшего брата баскетболиста для судьи Октябрьского народного суда было если не привычным, то вполне стандартным. Валентина за пять лет, что работала судьей, сталкивалась с подобными просьбами сотни раз, и суммы, которые ей предлагали, давно перестали удивлять.

Ширяева возвращалась домой, она жила неподалеку от здания районного суда, поэтому на работу ходила пешком. Сергей Белоногов шел рядом, Валентина терпеливо сносила торопливый монолог внезапного спутника. В таких случаях она обычно не реагировала на слова и уговоры, но на этот раз у подъезда своего дома остановилась, устало оглядела молодого человека и отрицательно покачала головой. Она не имела права жалеть кого-то, симпатизировать обвиняемому или его родственникам. Как не вправе была ненавидеть и испытывать недобрые чувства – так положено, так гласит одна из заповедей судей. Даже когда она зачитывала приговор, то вынуждена была делать бесстрастное лицо, хотя, как и любой человек, порой и ненавидела, и жалела.

Но в этот раз жизнь рассудила иначе. Ей пришлось вспомнить о предложении Сергея Белоногова – когда работа валилась из рук, а на душе было черным-черно и она искала хоть какую-то зацепочку, чтобы дальнейшее ее существование имело смысл.

Дело Алексея Белоногова должно было слушаться через день. Не было никаких причин ни со стороны обвинения, ни со стороны защиты, чтобы отложить слушание. Валентина по опыту знала, что заседание продлится не более полутора часов. Будет всего один перерыв, когда суд удалится на совещание, чтобы вынести приговор и чуть позже зачитать его.

Сейчас она наблюдала за тренировкой баскетболистов, невольно думая о том, что пришла во Дворец спорта только затем, чтобы подготовиться к встрече с Сергеем Белоноговым. Тут, в зале, где тренировался и выступал за команду его брат, она набиралась смелости перед предстоящим разговором. Скорее всего подспудно она хотела впитать в себя атмосферу спортивной арены, получше рассмотреть разгоряченных баскетболистов, представить себе центрового команды, а теперь подсудимого Алексея Белоногова, найти в нем что-то отталкивающее. А затем, решившись наконец, она поднимется с места и направится по адресу, который значился в ее записной книжке. Чтобы сделать то, чего никогда до этого не делала.

Но пока с решительным настроем ничего не получалось. Перед глазами мелькали высоченные фигуры в мокрых от пота майках, сама тренировка казалась изматывающей работой. Валентина невольно представила себе свою полную фигуру и как она мчится от кольца до кольца, но бросить мяч в корзину не хватает сил. Как не хватило сил недавно, когда она, пробежав две остановки, упала на пороге своей кварти-

ры, и только нашатырь привел ее в чувство.

Она задержала взгляд на скамейке запасных. Исходя из материалов дела, которое Ширяева изучила довольно хорошо, драка произошла именно там. Всплеск эмоций, безобидная поначалу ситуация, правда, не без доли провокации со стороны главного тренера, – и спустя часы на Алексея Белоногова завели уголовное дело. А пострадавший – Николай Осинцев – со сломанной рукой в предстоящих матчах сыграть уже не сможет.

Совершенно несерьезное дело, которое, дабы не породить слухов о нездоровой атмосфере внутри баскетбольного клуба, не должно было выйти за пределы Дворца спорта. Если бы не два «но». Первое: пострадавший являлся сыном главного тренера. Второе: молодым центровым Алексеем Белоноговым, с блеском проведшим чемпионат и обещавшим вырасти в новую баскетбольную звезду, заинтересовались за границей. Он получил предложение из солидного испанского клуба, отвергнуть которое было бы верхом глупости.

Понятно, что тренер Осинцев вряд ли мог обрадоваться уходу из команды ведущего игрока. Тем более что с Алексеем было практически достигнуто соглашение о продлении контракта. Тот истекал после окончания сезона, а дальше центровой сам мог определять свою судьбу. Он определился бы правильно, с точки зрения Осинцева, но тут поступило предложение от испанцев...

Так что нелепая драка, в которой сын тренера получил

серьезную травму, пришлось как нельзя кстати. Наставник быстро сообразил, что игрок, которого он теряет, может в Испании и не оказаться. Его дальнейшие действия не одобрил никто из команды, даже сын, которого он все же заставил написать заявление.

Так возникло это уголовное дело, исход которого во многом зависел от Осинцева. Согласись Белоногов остаться в команде, дело бы тут же прикрыли.

Теперь все зависело от решения суда. Потому что в испанском клубе согласились подождать окончания этой истории с одним условием: контракт будет заключен, только если Алексея оправдают. В любом другом случае, даже если он отделается условным приговором или денежным штрафом, он может поставить крест на своей карьере за границей. По крайней мере, в ближайшее время.

В клубных командах России, откуда центровому могли последовать предложения, ему тоже на первых порах пришлось бы несладко. Нельзя было забывать и о другом: вместе с контрактом Белоногов терял большие по российским меркам деньги.

Когда Валентина Ширяева поднялась со своего места в восьмом секторе, она совсем забыла о незнакомце, который давал ей некоторые пояснения в ходе тренировки. Но какой-то неприятный осадок в душе остался. Может, это оттого, что она на прощание даже не кивнула ему.

2

Именно таким она и представляла себе лицо Сергея Белогова, когда поднялась по лестничному маршу и остановилась у двадцать второй квартиры. Не колеблясь, Валентина нажала на кнопку звонка. Стараясь сохранить на лице умело наброшенное равнодушие, она несколько секунд ждала, пока ей откроют.

– Вы?!

Вместо того чтобы сразу пропустить гостью в квартиру, Сергей вышел на площадку и непроизвольно посмотрел ей за спину, затем его взгляд скользнул по лестнице.

Ширяева кивнула:

– Здравствуйте.

– Добрый день... Валентина Петровна, кажется?

– Разрешите войти?

– Конечно! – спохватился парень, одетый в тренировочный костюм и мягкие коричневые шлепанцы. – Проходите.

Его мысли были заняты другим, и он рассеянно наблюдал за тем, как судья, неловко наклонившись, снимает туфли и поправляет сбившийся лейкопластырь на пятке.

Когда гостья остановилась посреди комнаты, невольно оглядывая обстановку в квартире, Сергей предложил ей место за разложенным столом-книжкой. Сам, не сводя глаз с судьи, сел напротив.

У него было круглое лицо, светлые вьющиеся волосы наполовину прикрывали уши, вокруг рта резкие складки, глаза серые. Ширяева подметила также, что нижняя челюсть Сергея выдавалась вперед, и складывалось впечатление, что у него неправильный прикус.

– Не принесете мне стакан воды? – попросила Ширяева, отмечая напряжение во взгляде хозяина.

Сергей скрылся на кухне. Как назло, в холодильнике не оказалось минералки, пришлось поить гостью водой из-под крана. Он долго сливал воду, прежде чем набрать в стакан.

– Спасибо, – отпив немного, Валентина поставила стакан на стол. Затем решительно подняла глаза. – Я согласна помочь вам. Но... – Она выдержала паузу, стараясь не выдать волнения. – Меня не устраивает сумма, которую вы предложили.

– Да?..

Сергей, глядя на замолчавшую гостью, спросил:

– Сколько же вы хотите?

– Вдвое больше.

Белоногов покачал головой: двадцать тысяч долларов! Но деваться было некуда, не торговаться же! Он кивнул:

– Я согласен.

– Хорошо. Послезавтра в восемь часов утра ждите меня возле моего подъезда. Принесете половину суммы. Остальное – после окончания судебного заседания.

Ширяева поднялась. Она хотела сказать еще что-то, но хо-

зьяин квартиры не дал ей этого сделать.

– Погодите, – Сергей приблизился и пристально посмотрел на судью. – Мы точно можем рассчитывать на вас?

– В основном вы можете рассчитывать только на своего адвоката, – ответила Валентина.

– То есть?

– Если он в ходе судебного слушания сумеет дать какое-то обоснование случайности травмы или что-нибудь в этом роде, суд разделит позицию защитника. Это будет означать, что суд снимет обвинения против вашего брата.

Сергей Белоногов, размышляя над словами гостыи, даже чуть прикусил губу. Еще неделю-другую назад он и представить не мог, что сможет предложить кому-то взятку. Жизнь заставила. Конечно, у него был вариант обратиться за помощью к своему начальнику, полковнику Рожнову; ему, скорее всего, еще предстоит предстать пред строгим взором Михаила Константиновича. Но Сергей пошел по другому пути.

Попрощавшись с Ширяевой, он так и остался стоять, прислонившись спиной к двери и сложив на груди руки. Интуитивно он судье верил, за короткое время их общения она, ничего для этого не делая, расположила его к себе. Увеличение суммы можно было понять как тактический прием. Сначала отказ, потом согласие и игра на повышение. Как следует из классики, торг тут неуместен: обе стороны совершали противоправные действия.

Сергей прошел на кухню и открыл банку пива. В наличии

у него оставалось что-то около пяти тысяч долларов, остальную часть придется занять у ребят из отряда. Лучше бы, конечно, попросить у Тимофея Костерина, но тот недавно купил новую машину. Так что обращаться придется к Андрею Яцкевичу.

От Белоногова Ширяева ушла в начале пятого вечера. Надев солнцезащитные очки, она обогнула пятиэтажку и оказалась на Уфимской улице. В первом же кафе на своем пути Валентина устроилась в конце барной стойки и заказала рюмку коньяка.

Времени еще было мало, она должна прийти домой, когда совсем стемнеет и опустеет двор. Стараясь остаться незамеченной, она поднимется на этаж, тихо откроет замок двухкомнатной квартиры, снимет запыленные туфли, которыми натерла ноги, нальет в ванну горячей воды и долго будет лежать с закрытыми глазами. На ночь она выпьет водки, чтобы не просыпаться до утра...

Все так и будет, вот уже на протяжении двух недель она прибегает к подобному методу. Но все равно во сне ее будут преследовать кошмары. Перед глазами, как наяву, встанет окровавленный труп девочки, ее разорванное платье и страшные раны на животе.

Девочка умерла не от ран, судебные медики квалифицированно определили: смерть наступила в результате механической асфиксии, на хрупкой шее ребенка была затянута детская скакалка. Впрочем, трудно сказать, удалось бы врачам спасти девочку, если бы ее не задушили. Серьезно бы-

ли повреждены внутренние органы: тонкая кишка и мочевого пузыря; на левом плече жертвы кожа практически отсутствовала – орудием послужила обыкновенная кухонная терка для овощей. Садист с невообразимой жестокостью, надавливая на терку, искромсал плечо девочки до кости. И только потом ножом для чистки рыбы вспорол живот.

Ширяева расплатилась за коньяк и вышла из кафе. Бросив взгляд на часы, направилась к кинотеатру. До начала сеанса оставалось сорок минут. Валентина купила билет, выкурила на улице еще одну сигарету.

Вскоре немногочисленная толпа с билетами пришла в движение, в вестибюле кинотеатра открылись двери. Ожидать начала сеанса было лучше в относительной прохладе фойе, чем стоя на улице. Ширяева вошла последней.

На месте эстрады, где раньше, заполняя паузы между сеансами, играл небольшой оркестр, сейчас расположился буфет. Валентина встала в конец образовавшейся очереди, осматривая застекленную витрину: кроме стограммовых шкаликов с коньяком, других спиртных напитков в буфете не было.

Судья купила коньяк и маленькую шоколадку. Огляделась. Пить на виду у всех было неприлично. Она спустилась в женский туалет, подождала, когда выйдет находившаяся там девушка, и открыла бутылочку. Пила коньяк возле раковины, глядя на себя в зеркало. Она невольно отметила, что, хо-

тя сама и похудела, лицо отекло, стало грубее, чем раньше. Сейчас в легкой косынке и темных очках она чем-то напоминала режиссера московского театра «Современник» Галину Волчек.

Через узкое горлышко шкалик опорожнялся медленно. Выпив половину, она завинтила крышку и положила бутылочку в сумку. В фойе развернула шоколад и закусила.

У другой жертвы, которая находилась в одной квартире с убитой девочкой, были раздроблены висок и плечо. Орудием послужила небольшая, но увесистая кувалда. Удар был нанесен сверху вниз, кувалда практически отсекла ухо, ударяя в плечо. Рука держалась на коже; место, где она еще соединялась с туловищем, походило на песочные часы. Еще один удар пришелся в грудь жертве, но не такой сильный. В клинике, куда на «скорой помощи» отвезли пострадавшего, нашли множественные переломы ребер, состояние пациента оценили как крайне тяжелое. Но в силу некоторых причин больного вначале оставили в коридоре, предоперационная подготовка заняла гораздо больше времени, чем в экстренных случаях, уход в реанимационном отделении был скверным, медперсонал – грубым. Казалось, медики забыли, что давали когда-то клятву Гиппократу.

Когда в фойе раздался первый звонок, приглашающий пройти в зрительный зал, Валентина нашла свое место в че-

тырнадцатом ряду и сняла с головы платок.

Зрители постепенно заполняли зал, вместо привычных семечек в руках шелестели кулечки с воздушной кукурузой. Впереди Ширяевой села молодая пара и повела оживленный разговор. Когда раздался последний звонок и в зале погасили свет, Валентина пересела на крайнее кресло, сняла темные очки. Фильм начался без привычного киножурнала и рекламы. Пока шли титры, в зале было достаточно шумно, но вскоре зрители успокоились, сосредоточившись на экране.

А Ширяева долго не могла сделать этого, снова погрузившись в собственные мысли. Одним из орудий убийцы была терка. Валентина любила тертую морковь с сахаром, пекла оладьи из натертых кабачков. Сейчас же только от одного вида терки ее тошнило, голова кружилась, и она в любую секунду готова была потерять сознание.

Обе жертвы находились в ее квартире, в спальне. Кровать, где лежала девочка, пропиталась кровью. До приезда следственной группы ребенка не трогали. Когда в комнату вошел следователь, концы скакалки с пластмассовыми ручками свисали с кровати. Более длинный конец покоился на шее другой жертвы, парня с широким лицом и узкими, словно заплывшими, глазами. Рядом с искалеченной рукой находились нож и красная от крови терка, внутри которой скопилась жуткая стружка. Обычно терка лежала на кухне, на верхней полочке сушилки для посуды. Пришло время ово-

щей, и Валентина часто пользовалась ею. Что касается ножа для чистки рыбы, то хозяйка, время от времени наводя ревизию на полках, давно собиралась его выкинуть. Но нож был если не уникальный, то старый, сейчас таких уже не делают. И он, матово поблескивая, продолжал лежать в ящике, в отделении для ножей и вилок. До того самого страшного дня...

Судью не интересовал фильм, она не следила за ходом достаточно острого сюжета. Оглянувшись по сторонам, она открыла сумочку и допила коньяк, потом достала подтаявший шоколад, неожиданно громко зашелестев фольгой и испачкав руки. На секунду ей показалось, что позади нее сидит высокий парень, с которым она беседовала во Дворце спорта. Только сейчас до нее дошло, что ее собеседником вполне мог оказаться Алексей Белоногов, который вскоре предстанет перед ней в качестве подсудимого.

Внезапная догадка не вызвала в ней никаких чувств, кроме легкой досады. Когда Алексей вернется домой, брат скажет, что к ним приходила судья, а завтра они узнают друг друга. Она поможет Белоногову, он поможет ей – чисто деловое соглашение.

Она вытерла перепачканные пальцы о платок и, поднеся к глазам часы, снова отметила время.

Валентина Ширяева имела высшее юридическое образование. Девять с половиной лет она проработала следователем – в прокуратуре и в райотделе внутренних дел. Потом

прошла отбор кандидатов на должность судьи, сдала экзамен и получила рекомендацию квалификационной коллегии судей. В Юрьеве молва о ней шла как о судье честном и порядочном, что само по себе в наше время немаловажно.

Убитую девочку Валентина знала очень хорошо, та часто приходила к ним поиграть с ее сыном. Ее звали Светой, она перешла во второй класс. Квартира Светы Михайловой находилась двумя этажами выше. Нередко, стоя на балконе, Валентина видела, как девочка прыгает со скакалкой, иногда усложняя упражнения и скрещивая руки, что выглядело очень эффектно. Света была красивой, длинные светлые волосы неизменно заплетены в две косички, в ушах простенькие сережки. Привычно смотрелись на ней белые гольфы, короткая юбка, стоптанные коричневые сандалии. В день убийства она была одета именно так.

Справа и слева от экрана над дверями тускло горели плафоны с надписью «Выход», Валентина сосредоточила свой взгляд на одном из них. Примерно через двадцать минут окончится сеанс, и она с медленно продвигающейся к выходу толпой покинет кинотеатр. Краем уха услышит, как зрители негромко делятся впечатлениями о кинофильме. Потом еще часа два ей предстоит провести на улице, в кафе. Может, коротая время, она спустится на набережную, постоит у парапета, ощутив на лице речную прохладу.

Как ни странно, к вечеру пляж не пустел, а, наоборот, заполнялся еще больше. А на набережной до утра работали десятки ночных кафе, не испытывавших недостатка в посетителях.

Валентина вдруг решила, что ей необязательно идти домой, как только стемнеет. Она может просидеть в одном из таких кафе и до часу ночи, а уж потом думать о возвращении. Можно провести на набережной всю ночь. Примерно так же спланировать и завтрашний день.

Хотя нет, послезавтра ей предстоит трудный денек – два судебных заседания, одно из которых принесет ей как минимум десять тысяч долларов. На остальные деньги, которые ей пообещал Сергей Белоногов, Ширяева особо не рассчитывала.

Не дожидаясь окончания сеанса, Валентина вышла из кинотеатра. Щурясь от света, надела темные очки. Спуск на набережную не занял много времени, и вскоре она расположилась за одним из пустующих столиков в кафе.

Заведение это представляло собой переоборудованный для увеселений дебаркадер и находилось непосредственно на воде. Старое название «Прокат» заменило другое – «Поплавок», хотя в светлое время суток именно здесь можно было взять напрокат шлюпку или водный велосипед. Состоятельные клиенты предпочитали водные мотоциклы.

Валентина прикинула, что выпила сегодня уже сто пятьдесят граммов коньяка. Чтобы не беспокоить официанта два-

жды, она заказала еще двести граммов в графинчике и на закуску конфет. Когда официант выполнил заказ, судья расплатилась с ним и наполнила рюмку.

Их убили разные люди. Парень скончался в больнице на третьей сутки. Врачи, не скрывавшие к нему своего отношения, недоумевали: они рассчитывали на смерть семнадцатилетнего пациента в первый же день, в крайнем случае, на вторые сутки. Он же, не выходя из комы, прожил почти три дня.

Его убийцу Валентина знала так же хорошо, как и Свету: это был Николай Михайлов, отец девочки. Он скорее всего прикончил бы парня четвертым ударом кувалды, но помешал сосед, который вступил в схватку с обезумевшим от горя отцом. Это он, Николай, пачкаясь в крови, поднимал с постели мертвое тело дочери, а когда опустил его, конец удавки упал на шею парня-убийцы...

Валентина неожиданно вспомнила, что первое дело, об опеке, которое послезавтра она будет вести, может сорваться в самом начале. В нем, кажется, отсутствовало соглашение о проживании ребенка с отцом. Вспоминая, судья потеряла кончиками пальцев лоб. Или соглашение все же поступило?.. Впервые за четыре года Ширяева невнимательно отнеслась к предстоящему слушанию, его детали напрочь вылетели из головы. Ее занимало только дело Белоногова, которое она помнила до мелочей.

В половине девятого вечера в кафе появилась шумная компания молодых людей. С ними был и мужчина среднего возраста, явно чувствующий себя среди молодежи не в своей тарелке. Он постоянно ерзал на месте, оглядывался. Наконец, заметив столик, за которым в одиночестве сидела Валентина, встал и направился к ней.

– Извините, – он указал на свободный стул, – у вас не занято?

Ширяева покачала головой, в который раз за день бросив взгляд на часы. Словно оправдываясь, мужчина пояснил:

– День рождения у сына. – Он сделал жест в сторону столиков. – Восемнадцать лет. Справлять именины дома наотрез отказался. Жена попросила проконтролировать.

Ширяевой показалось, что ее собеседник напрягся, пытается выглядеть крепким и мускулистым. Но под легкой рубашкой с короткими рукавами проглядывало тщедушное тело, руки, сплошь покрытые выгоревшими на солнце волосами, выглядели хрупкими.

Судья невольно улыбнулась и вылила в рюмку остатки коньяка. Она взглянула на молодых людей, которые шумно поздравляли именинника. Среди них были крепкие ребята, но ни один из них не выглядел так внушительно, как жертва того преступления.

У него была широкая спина, овальные плечи, короткие толстопалые руки и массивные ноги. Непропорционально

маленькая голова сидела на неповоротливой шее. Несмотря на то, что ему было всего семнадцать лет, кожу на лице прорезали морщины, образуя складки и делая глаза монголоидными. Его пальцы были непослушными, он с трудом справлялся со шнурками на ботинках, поэтому мать покупала ему обувь на резинках, а зимой он носил полусапожки, застегивающиеся на «молнию». В тот день он был одет во фланелевую рубашку и спортивные брюки.

Ровесники обзывали его по-разному, и он всегда обижался, жалуясь матери. Зато дети помладше почти никогда не дразнили его. Правда, недавно, когда неловкими движениями рук он снимал формочку, песочный кулич рассыпался, и соседская девчонка обозвала его неуклюжим медведем. На его глаза навернулись слезы, и он ответил: «Нет... Я – уклюжий немедведь». Дети, показывая на здоровяка пальцами, засмеялись: «Немедведь, немедведь!»

Мужчина посмотрел на Валентину, как ей показалось, с завистью. Он непроизвольно сглотнул, когда женщина выпила коньяк и бросила в рот шоколадное драже. Поколебавшись, он подошел к стойке и вернулся с бутылкой. И только что не расшаркался, когда, не присаживаясь, предложил Ширяевой:

– Вы не против, если я вас угощу?

Она пожалала плечами. Этот вечер, как и несколько предыдущих, она намеревалась провести в одиночестве. Но в дей-

ствиях незнакомца не было ничего похожего на завязывание знакомства. Просто в компании с ней ему было бы веселее.

В «Поплавке» среди пестро разодетой молодежи, веселившейся как только возможно и употреблявшей в основном пиво, Ширяева и ее спутник выглядели белыми воронами. На ней все та же косынка, легкий серый пиджак, который она окрестила блейзером, темная юбка, туфли с растрескавшимися подошвами; накрашенные губы словно подчеркивали нездоровый цвет лица. Она наконец-то сняла темные очки, и мужчина заметил под ее глазами синеватые тени.

Он не подумал о том, в его ли вкусе эта женщина. Скорее нет: полная, с крупными чертами лица; слегка декольтированная блузка выставляла на обозрение кулон в виде знака Водолея на тонкой золотой цепочке. Хотя мужчина не подумал и о своей внешности – с традиционным для лысеющих зачесом от уха до уха. Волосы были расположены на его голове довольно низко.

Как и у второй жертвы.

Морщины избородили не только кожу под его глазами – толстый неповоротливый язык тоже был в складках. Из-за глубоко вдавленной переносицы нос казался сломанным, как у боксера. Он был сильным, но спортом не занимался. За всю свою жизнь ни разу не был в парикмахерской, мать сама стригла его – очень коротко. Он недолюбливал жужжание машинки и все время вертел головой, потом шел под душ,

чтобы смыть с шеи колкие остриженные волосы.

Большую часть времени он проводил на улице, а когда приходил домой, включал телевизор и смотрел телесериалы: по окончании одного он переключал канал, где начинался другой. После просмотра передачи «Спокойной ночи, малыши!» послушно шел чистить зубы и укладывался в постель. Мать целовала его, и он быстро засыпал.

– Давайте наконец познакомимся, – предложил мужчина. – Вадим!

Ширяева представилась. Вадим, комкая слова, пробормотал, что ему очень приятно. Завязался разговор ни о чем. Точнее, не разговор, а монолог мужчины. Валентина, назвав свое имя, больше не произнесла ни слова. Ее спутник то изливал душу, то бросал тревожные взгляды на веселившуюся неподалеку компанию.

Первым признаком того, что молодежь за столиками захмелела, стал голос бармена, сказавший в микрофон, соединенный с мощной магнитолой:

– С днем рождения Сашу поздравляют его друзья.

Сияющий паренек, стоявший рядом с барменом, перегнулся через стойку и крикнул в микрофон:

– Во всем удачи, Санек!

Поздравление подхватили за столиком, звонко звякнули бокалы. И тут же пластиковые стулья опустели: вся компания под забойную музыку высыпала в широкий проход меж-

ду столиками.

На наряд милиции выкрики из «Поплавка» действовали как красная тряпка на быка. Как мотыльки на огонь, патрульные слетелись в кафе. На лице возглавлявшего наряд молодого усатого сержанта было написано желание продемонстрировать власть. Увидев милиционеров, Вадим тотчас вскочил с места.

– У меня все под контролем! – громко приветствовал он патрульных, направляясь в их сторону. – Я полностью контролирую ситуацию!

Он него пахло коньяком, и вообще он казался излишне возбужденным. Старший наряда переглянулся с напарником и попросил «контролера» предъявить документы.

– А что, я обязан носить их с собой? – неосторожно осведомился Вадим.

– Значит, документов нет... – протянул сержант, легонько ударяя дубинкой по ладони.

Валентина решила, что ей пришла пора вмешаться.

– Молодой человек, подойдите сюда, пожалуйста, – позвала она, не изменив позы и не повышая голоса.

Милиционер скривился и очень медленно направился к столику. Он вполне резонно предположил, что перед ним жена подвыпившего мужчины.

– Ну? – Он вопрошающе приподнял бровь. И тут же еще более напрягся, потому что в открытой сумочке женщины увидел пистолет. Ее рука была на полпути к нему. Сержант

отчего-то не очень быстро потянулся к своей кобуре.

– Спокойнее, – попросила его Ширяева, – у меня есть разрешение на ношение оружия. Пожалуйста, – она протянула удостоверение.

Патрульный не очень хорошо знал законы. Но то, что он знал о статусе судьи, предполагало, что женщину, сидящую перед ним, нельзя задержать и принудительно доставить в отделение или, тем паче, привлечь к уголовной ответственности в общем порядке.

Он вернул ей документ. Нехотя козырнув, все же догадался извиниться.

– У меня все под контролем, – пробормотал вслед удалявшемуся наряду Вадим.

– Который из них ваш сын? – спросила Ширяева, кивнув головой на танцующих.

Вадим указал рукой:

– Вон тот долговязый. А рядом с ним его девушка, Марина. Симпатичная, правда?

Ширяева ответила улыбкой.

– Что за мода такая, – проворчал Вадим, – отмечать дни рождения в кафе... У вас сын или дочь? – продолжил он по инерции и в очередной раз наполнил рюмки.

После непродолжительной паузы Валентина ответила:

– Сын.

Достав из пачки сигарету, она прикурила и отвернулась от собеседника. Скорее бы дожить до суда над Белоноговым,

думала она. Закончить одно дело и заняться другим. Скорее бы купить крупную партию терок.

Терок... Универсальных терок и... ножей для чистки рыбы. Жаль, что таких ножей, как был у нее, нет в продаже.

Сын всегда помогал матери на кухне, особенно ему нравилось натирать через терку овощи. И делал он это только потому, что мать любила тертую морковь с сахаром и пекла очень вкусные оладьи из перетертых с чесноком кабачков. Вкусные для нее – сам он недолюбливал их и ел только потому, что они нравились матери.

Если он был на улице, она звала его с балкона: «Илюша, натри мне морковки». И он бежал сломя голову, забывая про друзей. Он мог натереть морковь только до половины, боясь поранить пальцы, которые с трудом удерживали овощ, и виновато смотрел на мать. Она довершала работу, начатую сыном, кормила его, и он, счастливый, убежал на улицу.

«Уклюжий немедведь...»

– Вы так и не выпили свой коньяк.

– Что?.. Ах да... – Она сделала глоток.

Этот мужчина может подумать, что она, сидя в одиночестве за столиком, ищет знакомства, даже легко согласилась разделить с ним компанию. Прав он будет только в одном: она одинока. Безумно одинока. Пусть этот лысеющий мужчина и его сын, бросающий на отца насмешливые взгляды,

думают, что хотят. И Белоноговы тоже – из судей не она первая, не она последняя, кто берет взятки.

Уходящее солнце окрасило горизонт в темно-малиновый цвет, по периметру дебаркадера зажглись яркие огни. Празднично было и на палубе небольшого теплохода, чинно проплывающего в непосредственной близости от черного баке-на, указывающего фарватер. Вокруг царило летнее ночное веселье, а Валентина вдруг почувствовала, что нервы сдают и она вот-вот может разрыдаться.

Позавчера она вошла в свой подъезд ровно в двенадцать часов ночи. Престарелая соседка с первого этажа, страдающая бессонницей, словно поджидала ее. Она успела сказать только одну фразу, но и от нее Ширяева дернулась, как от удара.

– Я, бывало, зову его: «Илюша, сериал начался», и он сразу бежит...

Несмотря на запрет врачей, ее пускали в реанимационную палату. В тот вечер она буквально на минуту отлучилась, а когда вернулась в палату, сын был уже мертв. Он лежал с забинтованной головой, на изуродованном плече и груди темнели пропитавшиеся кровью марлевые тампоны, прикрепленные к телу полосками лейкопластыря. Лицо непохожее, неродное.

Она метнулась за врачом. Тот, едва взглянув в лицо пациента, бросил короткое «все». Но на всякий случай приложил

пальцы с правой стороны шеи на сонную артерию.

– Сделайте что-нибудь!

– Я же сказал: все. Покиньте палату.

Врач грубо оторвал полоску лейкопластыря, фиксирующую иглу системы, выдернул ее из локтевой вены покойника и перебросил наполненную лекарственной смесью трубку через капельницу – к убийцам, садистам и ненормальным врачам относились соответственно. А тут такой случай – все в одном лице, которое носило отпечаток «биологической трагедии» или генетической ошибки – страшной болезни Дауна.

Валентина часто задумывалась над тем, сможет ли мать словами рассказать о том, как она любит своего ребенка. Наверное, слов, которые полностью могли бы выразить ее чувства, просто не существует. Как же тогда быть с ней и ее сыном, которого она родила несчастным из несчастных? Который с самого рождения лишен был всех прелестей жизни. Если бог захотел наказать ее за грехи, совершенные в этой жизни, то почему он сделал это посредством другого человека, ее сына, который виноват лишь в том, что родился на свет?

Гроб с телом покойного помогли вынести из квартиры сослуживцы и три родственника, пришедшие на похороны. Из соседей никто не захотел проводить парня в последний путь. Никто, кроме соседки с первого этажа, не пришел, чтобы минуточку постоять у изголовья покойника.

Что случилось дальше, для большинства оказалось ди-

ким, но не для Валентины. Она предчувствовала что-то страшное, но не смогла помешать беде. Она даже не вскрикнула, когда мужчина с перекошенным лицом выскочил из подъезда и ударом ноги опрокинул гроб, стоявший на табуретах. Илюша упал лицом вниз. Опустевший гроб придавил живые цветы, положенные Валентиной на грудь сына.

Никто не сделал и шага к отцу убитой девочки, похороненной тремя днями раньше. Кто-то просто испугался его вида, кто-то посчитал, что даже этот дикий поступок в какой-то степени можно оправдать.

Валентина нашла глаза соседа и долго смотрела в них. Молча, не двинувшись с места. И совсем остановил мужчину ее еле заметный кивок, словно оправдывающий этот жестокий поступок. Михайлов, приходя в себя, опрометью бросился назад, к подъезду...

– Извините, может, вы кого-нибудь ждете, а я вам мешаю?

– Нет-нет, – оторвавшись от своих мыслей, Валентина покачала головой. – Устала на работе, вот и пришла сюда отдохнуть. Речной воздух всегда успокаивает меня.

– Я бы добавил – ночной, – неожиданно вставил Вадим, взявшись за бутылку.

– Нет, спасибо, – Ширяева накрыла ладонью свою рюмку, отказываясь от коньяка.

Домой пока рано, думала она, провожая глазами пронесшийся мимо дебаркадера катер. Пенсионеры уже разбрелись

по квартирам, но у подъезда допоздна стоят три или четыре легковые машины, владельцы которых по неизвестным причинам отгоняют автомобили на стоянку лишь в одиннадцать-двенадцать часов. А ей не хотелось ни с кем встретаться. Хотя по утрам, отправляясь на работу, она все равно сталкивалась с жильцами. Никто с ней не здоровался, только все та же старушка с первого этажа кивала и горестно покачивала головой. Валентина бросала короткое «здравствуйте» и спешила пересечь двор, чтобы пройти две остановки пешком и войти в здание суда. Только там, в своем кабинете, она могла более-менее спокойно перевести дух.

Она не слышала, но могла предполагать, как подсудимые или их родственники говорят о том, что процесс будет вести судья, сын которой сам является убийцей. Впрочем, как бы ей ни было тяжело, пересуды ее не трогали. Она все для себя уже решила: суд над Белоноговым станет последним в ее карьере. Больше волновала судьба Николая Михайлова. Отец Светы не попадал под статью «умышленное убийство», так как жертва скончалась не на месте преступления, а в больнице. Николаю предъявили обвинение в нанесении тяжкого телесного повреждения, причиненного в состоянии сильного душевного волнения. Мерой пресечения следователь избрал подписку о невыезде. Можно сказать, отнесся по-человечески. Неизвестно было, какой приговор вынесет суд. Михайлов мог получить три года, хотя имелась слабая надежда на отсрочку приговора. В прокуратуре с согласия Ширяевой

решили, что лишать на время следствия многодетную семью основного кормильца, посадив его за решетку, будет чересчур жестоко.

Тем не менее имелся шанс смягчить наказание Михайлова до года исправительных работ. Трудно, но выполнимо. Валентина решила заняться всем этим позже. Пока же ее волновал только последний процесс в ее жизни – она никак не могла дождаться суда над баскетболистом Белоноговым.

4

Валентина возвращалась домой пешком. Вадим напрасно уговаривал ее посидеть с ним хотя бы еще полчаса. Он в одиночку допил коньяк и вскоре присоединился к танцующей на площадке компании сына.

Ноги гудели от усталости, Ширяева сняла туфли и сразу прошла в ванную комнату. Не раздеваясь, она села на край ванны, с трудом нагнулась и заткнула слив пробкой. Затем пустила в ванну холодную воду. Долго сидела так, пока вода не добралась до края, замочив юбку. Отлепив пластырь, она положила ногу на ногу и губкой смыла почерневший от пыли клей.

Теперь не осталось сил слить холодную воду и вновь наполнить ванну, чтобы полежать в горячей воде. Утром, решила она, встану пораньше.

Валентина стянула с себя намокшую юбку и повесила ее на веревку.

Сегодня, кроме шоколада и конфет, она ничего не ела. Добавив в воду острый томатный соус, она сварила сосиски. Потом налила в стакан водки и залпом выпила. От спиртного и горячих сосисок зажгло щеки, на лбу проступил пот. Теперь упасть в кровать и не просыпаться до утра.

Стараясь не смотреть на дверь спальни, она прошла в зал и легла на диван.

Среди ночи все же проснулась – замерзли ноги. Укрывшись снятым с дивана покрывалом, она долго не могла заснуть. Перед глазами стоял отец Светы. Его взгляд устремлен на нее, а не на покойника, который упал лицом на асфальт. За этой картиной через опущенное стекло иномарки, примостившейся неподалеку от детской песочницы, наблюдали еще одни глаза. Человек в машине улыбался, он подался вперед, чтобы судья заметила его и узнала. Однако она смотрела на сына.

Олег Шустов припарковал свою машину напротив ворот лесоторговой базы и, пройдясь вдоль ряда продавцов-частников, поздоровался с высоким седоватым мужчиной, одетым в темно-серую тройку. Полковник Рожнов держал в руке пачку штапиков, перетянутых медной проволокой.

– Давно собирался купить, – пояснил он, – да не было времени.

– Для дома, для семьи? – Шустов, склонив голову, оглядел собеседника поверх солнцезащитных очков.

У Рожнова не было военной выправки, вернее, она нивелировалась за долгое время кабинетной работы. Выше среднего роста, чуть сутуловатый, на вид сорок пять лет, наполовину седые волосы разделены пробором, веки тяжелые, с заметными голубыми прожилками.

– Вроде того, – отвечая на вопрос подчиненного, неопределенно отозвался полковник. – У меня на даче вместо штапиков стекла держатся на оконной замазке. Пройдем? – предложил Рожнов, указывая свободной рукой на открытые ворота базы, где было не так многолюдно.

Они прошли вдоль штабелей облицовочного кирпича, миновали контейнеры с цементом и остановились возле образца котла газового отопления.

– Что ты знаешь о Мусе Калтыгове? – спросил полковник,

приступая к делу и разглядывая образец.

Шустов, вспоминая оперативные данные на чеченца, нахмурил лоб.

– Не много. Он – бывший офицер Кантемировской дивизии, сейчас возглавляет криминальную группировку. Где-то в Подмосковье, точнее не скажу.

Олег подождал, пока тучный мужчина, остановившийся рядом с котлом, не ознакомился с ценой и не отошел от них.

– Пожалуй, это все данные, которыми я располагаю на Калтыгова.

– Видел его фотографию?

Шустов кивнул.

Несмотря на его утвердительный жест, Рожнов вынул из кармана несколько снимков немолодого уже человека. Олег внимательно взгляделся в каждую фотографию. Калтыгов был изображен и с бородой, и гладко выбритым.

– Оставь снимки себе, – распорядился Рожнов.

Олег был одет в джинсы и синюю майку с коротким рукавом. Они с начальником были примерно одного роста, но Шустов отличался спортивной фигурой. На его загорелом лице контрастом выделялись белесые брови и светлые усы. Он положил фотографии чеченца в задний карман джинсов, и они с полковником прошли дальше, к штабелям обрезной доски. Михаил Константинович на ходу давал информацию на клиента.

Даже не особо вникая в суть дела, можно было понять, что

деятельность лидера криминальной группировки Калтыгова перешла все границы. На продовольственном рынке в одном из городов Московской области творился такой беспредел, в который верилось с трудом. Вся милиция была куплена, в открытую шла торговля наркотиками, на территории рынка в прямом смысле слова существовали рабы, которые жили в металлических контейнерах, оборот черного нала достиг необыкновенных размеров. При запросах свыше местные правоохранительные органы ограничивались отписками или отговорками; все было построено на взятках и страхе.

– Есть конкретная дата ликвидации Калтыгова?

– Будет, – пообещал Рожнов. – У нас есть дней десять, чтобы основательно подготовиться к операции.

– У правоохранительных органов мало мотивов для ареста Мусы?

– Мотивы есть, но чеченец не просидит в камере и суток, его освободят и официально извинятся. Отсюда следует, что Калтыгова нельзя просто убрать, его смерть свяжут со спецслужбами России. Так что операция по его ликвидации будет усложнена.

Рожнов снял очки в тонкой оправе и посмотрел стекла на свет. Пройдясь по ним идеально чистым носовым платком, полковник не спеша водрузил очки на место и продолжил разговор:

– Полгода назад РУБОП сделало попытку взять в оборот чеченца. Арестовали не только Калтыгова, но и четверых его

людей. Однако отпустили с весьма туманной формулировкой: дескать, все пятеро являются одним из важнейших звеньев агентурной цепи управления ФСБ по освобождению заложников из чеченского плена. На этот раз жди, что они окажутся агентами ГРУ. Не мне тебе объяснять, какой бардак творится в управлении. Но не все бездействуют. Помнишь скандал, связанный с тремя офицерами ФСБ, которые получили приказ ликвидировать одного депутата? А ведь формально его нельзя было трогать. Одним словом, крайний случай.

Шустов кивнул. Полковнику незачем было напоминать об этом случае – начальник, отдавший приказ, стоял сейчас рядом с ним и делал вид, что заинтересовался кафельной плиткой, в несколько рядов выложенной на стенде. Рожнов тогда поступил опрометчиво, он забыл, что такие приказы не отдаются подчиненным. Обычно подобные задания проходят через секретных агентов, которые вербуют исполнителей на стороне или же пользуются давно проверенными кадрами из числа бывших заключенных либо бывших сотрудников правоохранительных органов.

Рожнов действовал на свой страх и риск, не имея ни одной лишней минуты и надеясь на своих подчиненных, а те сразу же сдали начальника, дав интервью одному из телевизионных каналов. Они остались чистыми, с незапятнанной репутацией чекистов новой формации, а «старообрядческое» поведение Рожнова послужило поводом к его увольнению из

органов.

Спустя два месяца о бывшем полковнике ФСБ вспомнил новый руководитель службы безопасности. Рожнова не восстановили в должности, а поставили во главе вновь созданного департамента, который в секретном указе значился как Департамент «5», имеющий личный фонд. Офис «пятерки» находился не на Лубянке, а занимал довольно скромную площадь в одноэтажном здании на Коровьем валу; над дверью неприметная табличка гласила, что в этом офисе ведет прием граждан юрист М.К. Рожнов.

Время приема выглядело несколько странно и напоминало график приема по личным вопросам у директора крупного предприятия: он принимал граждан по четвергам с двух часов до шести. И только несколько человек знали, чем занимается в свободное от работы время полковник госбезопасности Рожнов. Одним из таких людей был Олег Шустов.

Почти все, с кем был знаком Рожнов, понимали, что юридическая консультация – только «крыша», и удивились бы еще больше, узнав, что в штат Департамента «5» входят всего двадцать человек, включая Рожнова, его секретаршу Ирину Архипову, секретных агентов по поручениям и специалистов-электронщиков.

– Когда мы получим полную информацию на Калтыгова? – спросил Олег.

– Как только начнете знакомство с местностью. Думаю, раньше не стоит. Тебе нужны деньги?

– Нет, – отказался Шустов, – рассчитаешься с нами после.

– Именно на это я рассчитывал, – улыбнулся полковник.

Взгляд Олега под солнцезащитными очками стал еще жестче. Неожиданно мелькнула неприятная мысль: Рожнов каким-то образом прокручивает общие деньги, получая прибыль.

Майора Шустова выгнали из подразделения ФСБ, когда тот вначале не согласился с приказом начальника, а потом, не сдержавшись, ударил его; с переломом нижней челюсти патрона отправили в госпиталь. До трибунала дело не дошло. То ли из трусости, то ли из человеколюбия начальник заявил, что причиной внезапной агрессии стал именно он. Все ограничилось судом чести и увольнением из подразделения. Через два месяца его нашел Рожнов и предложил работу.

– Как дела в группе? – осведомился полковник, когда они вышли за ворота.

– Нормально. Правда, у Сергея Белоногова возникли проблемы с братом.

– Да, кстати, об этом я и хотел спросить у тебя. Почему вы не обратились ко мне за помощью?

– Ни к чему рисоваться, Михаил. Практически Сергей сам уладил свои дела. Когда на следствие давит ФСБ, возникают нежелательные вопросы, следствие может заинтересоваться, откуда такие связи у простого смертного.

– Центральной известной баскетбольной команды не простой смертный, – возразил Рожнов. – А давление оказали бы

на другом уровне, если хочешь, на государственном. Не забывай, что вы работаете на правительство. Хотя деньги получаете из фонда департамента.

– Может быть, – уклончиво ответил Олег, поймав себя на мысли, что они разговаривают так, как если бы их подслушивали. – Сергей, как и полагается, все рассказал мне, и мы решили, что может сложиться нежелательная ситуация, при которой коса найдет на камень. Пусть лучше один окажется со связями, а другой с деньгами. В последнем случае – это Сергей.

– А с потерпевшим не пробовали говорить? – в голосе и на лице полковника сохранялось недовольство.

– Что толку? Потерпевший не принадлежит сам себе, даже во время игры им руководит отец, то бишь главный тренер. А твои связи и влияние, с одной стороны, навредили бы Алексею, играющему за «Динамо». Это спортивное общество относится к МВД. И там не любят, когда в их даже спортивные дела вмешиваются посторонние силовые структуры. Тем более служба безопасности. Странная вышла бы претензия: мол, вы давите на своего же, милицейского парня. Вы это прекратите! Так, что ли, Михаил? Не исключено, что Алексею за стукачество в инородную организацию совсем осложнили бы жизнь.

– Пожалуй, ты прав, – нехотя согласился полковник.

– Не «пожалуй», Миша, я прав на все сто.

– К кому Белоногов обратился за помощью? – поинтере-

совался Рожнов.

– К судье из районного суда. Обычная взятка.

– Фамилия судьи? – спросил полковник тоном, не терпящим возражений.

– Ширяева Валентина Петровна. У нее самой возникли трудности, так что в этом деле родился обоюдный интерес: она нужна Белоногову, он – ей. Завтра все и разрешится.

– Ну-ну...

Олег отметил, что начальник довольно продолжительное время не перестает хмуриться. Переложив штапики в другую руку, полковник потребовал:

– Расскажи, что за обоюдный интерес. Мне не нравится, когда мои люди самовольно контактируют с кем-то из казенных людей. Потом хотелось бы узнать, почему ты не доложил мне обо всем вовремя. И еще один вопрос. Я заметил, что ты меня стал недолюбливать. Это оттого, что я превратился в твоего начальника?

Шустов пожал плечами.

– Наверное, дело не в тебе лично, Миша. Я вообще не люблю начальство.

– Ну, хорошо... Сергей случайно не рассказал своему брату, где и кем он работает?

– Лишний вопрос, – нехотя ответил Шустов. – Поговорим на эту тему после операции, ладно?

– Нет, – жестко отрезал Рожнов. – И еще я хочу, чтобы ты знал: я недоволен тобой. Ты прибавляешь мне работы. И так,

чтобы повидаться с тобой, в общей сложности я провожу за рулем два с половиной часа. Между прочим, я подумываю о том, чтобы перевести вас ближе к столице или в самую Москву.

– Мне кажется, ты этого не сделаешь.

Полковник что-то пробурчал себе под нос и возобновил разговор:

– Итак, что за неприятности у Ширяевой?

На следующий день ровно в восемь часов утра, приняв ванну и уложив волосы феном, Ширяева вышла на балкон и сразу же увидела у подъезда фигуру Сергея Белоногова. Она окликнула его по имени и показала рукой, чтобы тот поднялся.

На кухонном столе стояла чашка с кофе, в пепельнице тлела сигарета. Валентина предложила гостю стул и взяла чашку в руки.

– Я принес, – парень сделал попытку вынуть из полиэтиленового пакета газетный сверток.

– Одну минуту, – остановила его Ширяева, – не так быстро.

Предостережение судьбы показалось Белоногову неуместным, словно он собирался извлечь из пакета ствол. Сергей приподнял бровь: «Что-то не так?»

Валентина, отвечая на его немой вопрос, пожала плечами.

– Сейчас я допью кофе, и мы с вами прогуляемся. Не против?

– Да, в общем, нет.

– Ну вот и хорошо. Кстати, у вас есть документ, удостоверяющий вашу личность?

– Да, – с некоторой запинкой ответил Сергей.

– Вот и отлично. Иначе бы вам пришлось вернуться домой

за паспортом.

– Могли бы предупредить меня заранее.

– Вот этого, увы, из соображений собственной безопасности сделать не могла. Посидите здесь, через пару минут я буду готова.

Когда они покинули квартиру, Валентина предложила парню:

– Если вы стесняетесь идти рядом со мной, можете следовать сзади.

Сергей отверг ее предложение. Пока он не понимал, что задумала судья. Она не взяла деньги в квартире – это понятно: Ширяева опасается, что он мог заявить в милицию, в этом случае деньги в пакете мечены. Что последует вслед за передачей денег – очевидно. Однако она не могла не догадываться, что в любом месте, если действительно он ведет с ней нечестную игру, ее возьмут с поличным, так как в этом случае за ними должны следовать оперативники. Также он отметил, что она ни разу не оглянулась, чтобы визуально определить слежку, вела себя совершенно спокойно и уверенно.

Когда они в ожидании зеленого сигнала светофора остановились у перекрестка, Ширяева осведомилась:

– Да, я забыла спросить: деньги, которые вы принесли, в валюте или рублях?

– Доллары, – коротко ответил Белоногов. По идее, этот вопрос судья должна была задать у себя дома, однако она преднамеренно, как показалось Сергею, разбила свою заин-

тересованность на несколько этапов. Черт ее знает, что у нее на уме.

– Отлично, – одобрила Валентина. – Нам туда, – перейдя дорогу, она указала рукой на сберегательную кассу.

Оператор в отделе обмена валюты улыбнулась Ширяевой, узнав ее. Эта женщина поступила грамотно, когда вчера сделала заказ на обмен крупной суммы валюты. Обычно клиенты так не делают, приходят, чтобы обменять доллары, а в кассе не оказывается достаточной суммы. Приходится приносить извинения.

– Вы принесли? – спросила она.

– Да, – улыбнулась в ответ Валентина и подозвала к окошку Сергея. – Вот молодой человек, который хочет обменять валюту.

Белоногов понял. Ширяева все рассчитала правильно. Если у него меченые деньги, то это обнаружится во время проверки их на подлинность под кварцем: надпись, сделанная специальным люминесцентным составом, проявится. На этот счет у работников сберегательного банка имелись особые инструкции, а любая задержка выдачи денег должна была послужить для судьи знаком опасности, потому что она загодя договорилась с оператором сберкассы и деньги были готовы к выдаче. В любом случае Ширяева оказывалась в стороне, уличить ее в получении взятки было невозможно.

Кроме пометки денег химическим спецсоставом, существовал и другой способ уличения. С купюр делают ксеро-

копии, а после дачи взятки сравнивают номера. Однако и в этом случае Ширяева оставалась в стороне, так как после обмена при ней будут совсем другие дензнаки.

– Желаю удачи, – Валентина обворожительно улыбнулась Сергею и вышла из сберкассы. Обернувшись, парень увидел ее, стоящую за окном. Она помахала ему рукой.

– Пожалуйста, документ, удостоверяющий вашу личность, – попросила оператор.

Белоногов протянул ей паспорт.

Да, судья все рассчитала правильно, а вот сам Сергей вел себя крайне неосторожно. Все вроде бы позади, но он должен был подумать о том, что может подвести полковника Рожнова. Скажем, если бы Ширяева с помощью правоохранительных органов захотела уличить его во взяточничестве. Смысл? Черт ее знает... На судью могли надавить и посоветовали не отказываться от денег. Чтобы все выглядело достаточно естественно, предложили удвоить ставку, и он сразу же клюнул.

И брат ничего не заподозрил, их мысли были заняты только благополучным исходом дела. К тому же Белоногов посоветовался с Олегом Шустовым, и тот разрешил Сергею действовать самостоятельно.

Из раздумья его вывел голос кассирши. Он расписался в квитанции и сложил пачки с деньгами в пакет.

Ширяева снова отвергла попытку Сергея вручить ей деньги, озадачив его в очередной раз.

– Вернемся ко мне домой, – предложила она.

Разложив на кухонном столе деньги, Валентина задумалась, не обращая внимания на гостя. Оставлять двести пятьдесят тысяч рублей в квартире опасно, брать с собой – глупее не придумаешь. Судья, в сумочке которой лежит крупная сумма денег. Допустим, в туалет она может сходить, прихватив с собой сумку, но вот в зал заседаний и в совещательную комнату ее с собой не возьмешь. А когда Ширяева отсутствует, секретарь – чем черт не шутит – может открыть ее сумку.

А почему, собственно, не оставить деньги дома? Вряд ли кто-то надумает ограбить ее квартиру.

Эти мысли пришли только сейчас, вчера у нее не было денег, и мысли о грабеже в голову не приходили. И секретарь до сегодняшнего утра была милой и услужливой, порядочной девушкой.

Беспокойство. Чем больше денег, тем больше беспокойства.

Она демонстративно положила пачки в сумку и щелкнула замками, выразительно глядя на гостя. Сергей на ее взгляд мог ответить только полуулыбкой и легким, ничего не значащим кивком головы. И задал наконец вопрос, который тревожил его:

– Скажите, Валентина Петровна, ведь приговор можно опротестовать в течение, точно не помню, семи или десяти дней. В этом случае повторный процесс будет рассматри-

ваться городским судом.

– Я понимаю ваши опасения, – ответила Ширяева, еще раньше подумав о том, что этот вопрос Сергей должен был задать в то время, когда делал ей предложение. В крайнем случае, посоветоваться с юристом, который мог квалифицированно ответить на него. – Если посмотреть мои дела за последние пять лет, – продолжила она, – которые были опротестованы, областной суд – но не городской, как вы сказали, – всегда придерживался решения или приговора, вынесенного мною. Я не хвалюсь, но, пожалуй, я единственная судья в нашей области с такими показателями.

– Но это вовсе не гарантия, – возразил Белоногов.

– Сережа, – неожиданно мягко произнесла судья, – наша с вами сделка держится на честном слове – сегодня я убедилась в этом окончательно. Так вот, если кассационный суд примет иное решение, я верну вам деньги. – Она приложила руку к груди. – Честное слово. К тому же, – симпровизировала хозяйка, не имевшая права говорить таких слов, – часть из этих денег пойдет именно в вышестоящую инстанцию. Повторяю, в случае подачи кассационной жалобы потерпевшего. Но это строго между нами, договорились?

Сергей снова кивнул: Ширяева обнадежила его заявлением о круговой поруке судей в области.

Пока он размышлял, Ширяева сняла с плиты чайник и приготовила две чашки растворимого кофе.

– Вы пьете с сахаром?

– Нет, спасибо.

Лицо судьи выглядело утомленным, несмотря на толстый слой крем-пудры. От сильно накрашенных губ на чашке с кофе остались следы помады.

Сергей Белоногов знал о несчастье, постигшем Ширяеву. Когда он выходил из квартиры судьи, то невольно бросил взгляд на плотно закрытую дверь спальни и ускорил шаг.

А Валентина, оставшись одна, снова достала деньги и разложила их по всему столу. И много их, и в то же время мало. Где взять еще, если понадобится дополнительная сумма? Десять тысяч долларов ей передадут после суда над Алексеем Белоноговым – теперь она не сомневалась в этом. Она оправдывает баскетболиста, так как нашла в деле одну маленькую, но надежную зацепку. Без этого она бы не пошла к Белоноговым, просто не чувствовала бы стопроцентной уверенности в благополучном для спортсмена исходе дела.

Сергей услышал от Ширяевой не всю правду о решениях кассационного суда по ее делам: одно ее решение совсем недавно было отменено. Она читала определение, которое вынесла вышестоящая инстанция по протесту, поданному адвокатом. Там черным по белому было написано, что Ширяева вынесла постановление с нарушением ведения судебного заседания, давлением на защитника и несоблюдением судьей уголовно-процессуального закона. Все это повлекло за собой нарушение гарантированных законом прав восемнадцатилетнего парня на судебную защиту.

Валентина собрала деньги и долго искала для них место. Наконец, в коридоре она засунула объемистый сверток между стеной и тумбочкой. Чтобы не было видно, сверху положила зонтик.

Входную дверь в квартире пришлось менять; покрасить бы ее, но сейчас не до этого.

Прислушавшись к шагам в подъезде, она тихо открыла дверь и проворно закрыла замки. Довольно легко сбежала по ступенькам, подумав, что похудела за последние дни килограммов на восемь. Если так дело пойдет и дальше, через месяц ее совсем будет не узнать.

Как и вчера, на ней была легкая косынка, глаза скрывали солнцезащитные очки. Сегодня она купит очки в более современной оправе и стильный платок, позволит себе пачку хороших сигарет. Но есть будет только раз в сутки. Пусть даже на ночь.

Сейчас у нее были связаны руки, после оправдательного приговора Белоногову она будет свободна от обязательств. Председатель районного суда ждет от нее определенного заявления и сегодня его получит. Хотя без ее согласия никто не смог бы заставить ее уйти в отставку. Она не совершила ничего такого, чтобы ее могли отстранить от работы или приостановить ее полномочия.

Но сегодня после суда над Белоноговым она подаст в отставку, что для нее будет означать сохранение звания судьи, гарантии неприкосновенности и принадлежность к судей-

скому сообществу. Однако в один прекрасный день она совершит то, что навсегда закроет ей дорогу в это сообщество.

Итак, она передаст письменное заявление председателю суда. Она напишет, что не способна выполнять свои обязанности в силу болезней, которых у нее было предостаточно.

А пока она – судья.

Валентина бодрым голосом поздоровалась с постовым здания суда, кивнула водителю служебной «Волги» и прошла прохладным полутемным коридором в свой кабинет.

Ширяева еще раз оглядела зал, остановив взгляд на секретаре судебного заседания, которая была закреплена за ней и работала уже четыре года.

– Подсудимый, встаньте, – обратилась она к Алексею Белоногову после определенных процедур. – Суд разъясняет вам ваши права, предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом. Вы не хотите заявить отвод прокурору? Если суд признает ваш отвод обоснованным, он будет принят.

– Нет, – ответил Белоногов, внимательно вглядываясь в лицо судьи: он узнал свою собеседницу из Дворца спорта. Так же, как и она его.

– Хорошо. Начинаем заседание. – Валентина надела очки, поправила мантию и перевернула несколько страниц дела. – Слово предоставляется обвинению.

Неожиданно со скамьи поднялся высокий парень с загипсованной рукой.

– Ваша честь, я хочу сделать заявление. – У него был низкий красивый голос, правильной формы нос, тонкие губы, пострижен коротко, по последней моде.

– Сначала представьтесь, – Ширяева с любопытством посмотрела на пострадавшего.

– Осинцев Николай Андреевич.

Не задумываясь, опережая обвинителя, судья спросила

адвоката:

– У защиты есть возражения?

– Нет, ваша честь, – бойко отозвался полноватый адвокат, поправляя очки.

– Я протестую, – с места встал прокурор.

Ширяева ждала продолжения, но обвинитель долго подыскивал слова.

– Я не могу принять ваш протест, не зная причины, – отрезала судья.

– Нарушается ведение судебного заседания, – наконец пояснил прокурор, непрозрачно намекая на недавнее определение, вынесенное Ширяевой областным судом.

– Протест отклонен, – в голосе Валентины прозвучала едва различимая насмешка. Однако обвинитель уловил ее.

– Почему, ваша честь?

– Мне ли объяснять вам, господин прокурор, что пострадавший представляет сторону обвинения.

После этих слов она знаком подозвала прокурора и адвоката и коротко поговорила с обоими. Находящиеся в зале ничего не смогли расслышать; так же мало объяснили им красноречивые жесты прокурора. Наконец Валентина отпустила их и обратилась к Осинцеву:

– Суд готов выслушать ваше заявление. – Она подождала, пока недовольный собой и своим подопечным прокурор сядет на место, и поторопила Осинцева: – Пожалуйста, начинайте.

– Ваша честь, – начал парень, – драка на площадке произошла по моей вине. Я сам спровоцировал ее и первым хотел ударить Алексея... то есть подсудимого. Он просто защищался. За дачу ложных показаний, не знаю, как правильно, я готов понести наказание.

– Слизняк! – старший тренер баскетбольной команды ожег сына взглядом и, ни на кого не глядя, покинул зал.

Ширяева, пряча грустную улыбку, вздохнула. Потом ее настроение резко изменилось: выходило, что она не отработала денег, которые ей заплатили за процесс. Но как быстро, неожиданно и до некоторой степени трогательно наступил финал.

Сергей Белоногов поджидал Ширяеву возле здания суда. В руках он держал все тот же полиэтиленовый пакет с десятью тысячами долларов. Он еще не верил, что все закончено, неприятности остались позади. Колька Осинцев... Кто бы мог подумать, что он может ослушаться своего всемогущего отца. Как ни странно, в поведении Николая Белоногов видел руку судьи Ширяевой. Кто знает, может быть, она поговорила с Осинцевым накануне? После окончания суда Алексей отозвал брата в сторонку и сказал, что накануне видел судью во Дворце спорта.

«Да, – продолжил размышления Сергей, – скорее всего Ширяева сумела убедить Николая выступить в суде с заявлением. Как ей это удалось, непонятно. Тем не менее деньги она заработала честно».

И он ничего не понял, когда судья, выйдя из здания суда, открыто подошла к нему и предложила немного пройтись. Сергей не смог не оглянуться на окна здания. Ширяева поняла его взгляд и посмотрела на часы.

– Не беспокойтесь, Сережа, вот уже семь с половиной минут я больше не судья, а только вхожу в некое тайное сообщество.

Парень не ожидал, что такая серьезная дама, как Ширяева, способна шутить. Он промолчал, продолжая идти с су-

дней в ногу.

– Не знаю, как мне поступить... – задумчиво проговорила женщина. – Можно ведь сказать, что денег ваших я не отработала. Не по вине Осинцева, а по своей, потому что позволила ему взять слово. Нужно было дать выступить прокурору, потом защите и уже самой поставить в этом деле заключительную точку.

Она остановилась и взяла Белоногова за руку.

– Сережа, сейчас мне очень нужны эти деньги. Если я верну их, мне ни за что не завершить одного дела – дела чести. Один человек потерял свою дочь, ее зверски замучили, он должен узнать всю правду. Я докажу, чего бы мне это ни стоило.

Валентина надела темные очки, скрывая навернувшиеся слезы, и посмотрела на коммерческий киоск, пестревший богатым выбором спиртного.

– Я одна... Мне не с кем поделиться своим горем. Вы славный человек, Сережа, пойдите ко мне, выпьем, меня всю жжет изнутри.

Вместе с Сергеем Белоноговым посмотреть, чем закончится дело, в суд явился и Олег Шустов. Олег в недоумении посмотрел вслед удаляющейся паре и последовал за ними. Вместе пришли, вместе и уйдем, подумал он.

Двигаясь на некотором отдалении, он дошел до дома судьи, нахмурившись, проводил глазами своего подчиненного, вошедшего вслед за судьей в подъезд. Потом присел на

скамейку и закурил.

Ширяева не рассчитывала, что Сергей Белоногов примет предложение составить ей компанию на сегодняшний вечер. Может, удивился ее решению пооткровенничать не с подружкой, к примеру, или с родственником, а с почти незнакомым человеком. Молодой еще, не знает, что довериться порой легче незнакомому. А у Валентины просто не было выбора: тоска резанула ее внезапно, не дав опомниться.

По дороге домой она твердо решила «перебраться», хоть раз напиться, дать волю чувствам и словам, а не держать их в груди, постоянно ощущая эфемерное состояние нехватки воздуха. Она боялась, что Сергей вдруг передумает, проводит ее до подъезда и попросается. И облегченно вздохнула, когда Белоногов перешагнул порог ее квартиры.

В определенный момент Валентина поймала себя на мысли, что начинает суетиться, совсем необязательно предлагая гостю завалявшуюся в кухонном шкафу салфетку, советуя закусить шоколадом, а не карамелью – дескать, букет станет более осязаем. Сказала, выпив первую рюмку: «Ты меня не слушай». А сама принуждала гостя внимать, все больше распахивая перед ним душу. В какой-то момент ей захотелось переменить тему, расспросить гостя о том, где он работает и кем. Вместо этого захмелевшая хозяйка потянула парня за собой и встала за спинкой кресла, стоящего посреди комна-

ты. Склонив голову, красными от слез глазами посмотрела на телевизор.

– Это было любимое место сына. Когда оканчивалась передача «Спокойной ночи, малыши!», отсюда он уходил в спальню. Если б ты знал, Сережа, как я жалела его... Я неверующая – как говорят, только всуе поминаю имя господя, – наверное, оттого посылала в адрес бога столько проклятий, что в конце концов он наказал меня.

Последние слова были сказаны жестко, Валентина надолго замолчала и продолжила уже мягким голосом:

– Илья был добрым мальчиком, ласковым. И – не поверишь – очень тактичным. Когда к нам приходила Света Михайлова, Илья уступал ей свое место, а сам садился рядом, на стул. Он любил порядок. Не знаю, почему ему нравилось протирать полированные поверхности шкафов. Он часто вооружался салфеткой, дышал на полировку и доводил ее до идеального блеска. До таких мелочей у меня не доходили руки, может, потому, что я не очень усердная хозяйка. А может, уставала на работе. Я могла оставить после себя грязную посуду в раковине, порой замечала мусор в угол и оставляла там, если под рукой не было совка. Мелочь, о которой не стоит говорить, но мне было лень идти за совком. А скорее всего, это от подавленного состояния. Меня изматывала работа, тревога за сына, вина перед ним.

Стоять у плиты для меня – сущее наказание. Большую часть своей жизни я питалась в столовых или перехватывала

что-нибудь в буфете. А дома, словно у меня была большая семья, варила щи в огромной кастрюле. Мы с Ильей съедали по тарелке, две, а на следующее утро щи прокисали – опять же по моей вине: забыла поставить в холодильник либо оставила в кастрюле половник. Один раз Илья наелся прокисших щей, пришлось даже вызывать «Скорую помощь». Врач сделал ему промывание желудка, заставляя пить воду в огромных количествах. Илья противился, ему казалось, что его хотят убить. Хотя он выразился по-другому: захлебнуть.

В тот вечер я больше не давала ему никаких лекарств, отпаивала горячим молоком, проклиная себя за беспечность и неряшливость. Я не знаю, Сережа, почему рассказываю тебе это. Меня действительно всю жжет изнутри.

– Я понимаю вас, Валентина Петровна, – посочувствовал Белоногов. Ей на миг показалось, что его сострадание неуместно. Он даже едва заметно пожал плечами, отвечая на собственные мысли.

– Да, да, спасибо...

Хозяйка скрылась на кухне, Сергей предположил: для того, чтобы выпить очередную рюмку. Валентина уже была заметно пьяна, слишком часто облизывала ярко-красные губы.

Вернулась она через минуту, хрустя конфетой, и возобновила разговор:

– Я проклинала не только бога, а еще и своего отца-алкоголика. Мне казалось, это он виновен в том, что Илья родился инвалидом. Отец пил по-страшному, бил маму, и мне

доставалось, когда я вступалась за нее. Я молчала на вопросы учителей, почему постоянно хожу в школу с синяками – не говорить же, что меня бьет собственный отец. К тому же я рано начала курить – я была самой толстой в классе, думала, курево поможет, – и учителя, воротя нос от моей прокуренной одежды, в конце концов махнули на меня рукой. Хотя, по идее, должны были «бороться» за меня. И, наверное, классе в восьмом или седьмом, сейчас точно не помню, я решила, что стану работать в милиции, защищать и мать, и себя. Мать, конечно, в первую очередь. Это мой любящий папаша подвигнул меня к такому решению. Пока я не получила юридического образования, так и называла его пренебрежительно: папаша. Потом злость и обида на него как-то сами собой прошли, может, оттого, что я стала взрослой, а мой отец – старым. Он уже давно пил меньше, но голова его совсем перестала соображать.

Он умер, когда Илье исполнилось семь лет. К тому времени у меня уже была собственная квартира, мать сошлась с одиноким соседом по даче, которого я почти не знала, он был лет на десять старше ее. Отчим никогда мне не нравился, за глаза я называла его язвенником-трезвенником. Наверное, потому, что привыкла к пьяным оргиям, устоявшемуся перегару в квартире. Одним словом, чего-то недоставало, чего-то жизненно важного. В квартире отчима все было по-другому: чистота и порядок, какой-то стерильный воздух, навевающий мысли о реанимационной палате, три пары до-

машинных тапочек (одна – для меня), которые мы носили время от времени, предпочитая ходить в квартире босиком или в носках. Трезвая физиономия отчима походила на мордочку хорька. И мой дом в один миг перестал быть родным. Даже мать показалась мне неродной. Она стала разговаривать каким-то противоестественным голосом, в котором слышались заискивающие ноты, она буквально обхаживала мужа, и я поняла, что она долго не выдержит. И точно: через год культурный и обходительный хорек исчез из дома. В нем все еще царила стерильность, и хотелось вызвать на денек-другой отца с того света, чтобы тот привел все в норму. Глупо, конечно, это все, смешно, но такие мысли были, не скрою.

Потом мать вышла замуж в третий раз. Она мне очень помогала, любила внука, заботилась о нем. А потом мы остались одни.

Илья часто спрашивал, почему больше не приходит бабушка. Вначале я отвечала, что она уехала, потом сказала ему правду. Господи, эта правда стоила мне дорого. Я ответила на столько вопросов мальчика, что сама заблудилась в своих объяснениях. Не знаю, насколько правильно понял меня Илья, но однажды раз и навсегда успокоился и не стал больше задавать вопросов. Я поняла, что для него бабушка действительно умерла. Не знаю, как он усвоил это, но мне больно было думать – в основном за него, а не за себя. Главное заключалось в том, что он справился с этой сложнейшей для него задачей. Он учился жить; порой мне казалось, что

он сумеет преодолеть недуг – были такие иллюзии. Однако Илья все чаще заставлял меня задумываться над тем, что однажды болезнь отступит; она оставит его внешность прежней, но мысли его станут ясные.

Илья любил новые вещи. А еще, я не знаю, как сказать, любил обновление, что ли. Радовался новой зубной щетке, подолгу держал на коленях, рассматривая, новые брюки или рубашку, поглаживал непослушными пальцами, словно исполнял одному только ему ведомый ритуал. У нас была рижская стенка, в прошлом году я продала ее и купила новую. Илья целую неделю не выходил из дома, распределяя вещи по шкафам и ящикам. Ему помогала Света. Я помню, она расставляла книги на полках. А когда она ушла, Илья снял их и расставил по-своему, сообразно своему представлению. Если девочка подбирала книги по размеру и корешкам, то Илья мог разделить собрание сочинений какого-нибудь автора, вставив между томами книгу другого писателя. Да, у него был свой порядок, свое представление, и получилось даже красиво, необычно. Я назвала бы это – авангардом...

Валентина подвела Сергея к книжному шкафу. На верхней полке вперемежку с художественной литературой находились юридические тома: законы, указы, юридические справочники. Двухтомник «Сказки народов России» был разделен Уголовным кодексом Российской Федерации и далеко выступающей вперед книгой о лесных лекарственных растениях.

Действительно, трудно представить, чем руководствовался больной паренек, расставляя книги. Но у него, несомненно, была своя логика, понять которую невозможно. Сергея посетила мысль: а если бы на полку с книгами взглянул человек с болезнью Дауна, смог бы он разобраться в этом?

На средней полке в ряд стояли тонкие книги с толстыми корками. Сергей, взглядом спросив у хозяйки: «Можно?», открыл шкаф и вынул одну книгу. Текст в ней был набран крупным шрифтом, на каждой странице красочные картинки, в основном персонажи из сказок. Сергей вытянул книгу наугад, но она оказалась именно той, где было нарушено шитье и виднелся каптал из-за вырванной страницы.

Сергей поставил книгу на место. Валентина, наблюдавшая за ним, пояснила:

– Эту страницу вырвал Илья. Как-то Света Михайлова помимо воли обидела Илью, обозвав неуклюжим медведем. По-моему, в то время они играли во дворе, и от неловкого движения Ильи сломалась постройка из песка. У Ильи была прекрасная память, он пришел домой, достал эту книгу и вырвал страницу. На ней был нарисован медведь, влезаящий в теремок, и зверушки, которые в ужасе разбегаются в разные стороны.

– Он плакал? – неожиданно для самого себя спросил Сергей.

Ширяева отрицательно покачала головой, казалось, ничуть не удивившись вопросу. Несмотря на хмель в голове,

отметила еще одну странность в лице гостя: анфас не вязался с его профилем. Глядя на его выступающий подбородок и орлиный нос сбоку, невозможно было представить, что лицо у него круглое. При повороте головы оно словно трансформировалось, вызывая неприятное ощущение, переносица будто проваливалась, а подбородок становился безвольным.

– Нет... – ответила она. – Илья вообще редко плакал. Младшие относились к нему хорошо, но доставалось от сверстников. Те были более чем жестоки. Что удивляет, девушки его возраста ни разу не прошли мимо, чтобы не поддеть его какой-нибудь плоской шуткой.

Валентина замолчала. Заполняя паузу, Сергей сказал:

– Нелегко ему было...

Хозяйка не ответила. Вздохнув, подбадривая себя и гостя, она улыбнулась:

– Ах, Сережа, если б ты видел, как Илья улыбается!.. Ни один ребенок в мире не способен на такую улыбку. – Настроение судьи снова резко переменилось. – И вот какие-то мерзавцы погасили ее навсегда. В голове не укладывается, каким способом они сделали это. Я дважды была у следователя, который ведет это дело. Не знаю, мне показалось, что «сверху» на него оказывается давление. Реально есть все основания выдвинуть еще одну версию, но следователь ограничился одной, той, что выгодна прокурору и сыщикам из районного управления внутренних дел. Заодно и самому следова-

телю прокуратуры. Я понимаю его, сама много лет была в его шкуре.

Профессия судьи наложила на нее отпечаток: Ширяева говорила без запинки, словно читала с листа. И это несмотря на то, что была пьяна.

Валентина позвала Сергея за собой в комнату Ильи.

– Вот здесь убили Свету Михайлову. Здесь же ее отец нанес смертельные увечья моему сыну. Не нужно долгое время работать следователем, чтобы представить себе, что же тут произошло на самом деле. Убийц было по крайней мере двое... Один держал девочку, слегка придушив ее, второй терзал ее тело. Вчера я случайно зашла в хозяйственный магазин и увидела там терку для нарезки овощей – точь-в-точь как у меня. Универсальная терка. Цена шестьдесят семь рублей тридцать копеек. Я куплю ее – позже, без нее мне никак не обойтись.

– Что вы собираетесь делать, Валентина Петровна?

Хозяйка невесело ухмыльнулась и пожала плечами.

– Убийцы совершили ряд ошибок, и я найду их. Знаешь, Сергей... Кстати, ты не обижаешься, что я на «ты»?

– Нет.

– Ну и молодец. Так вот, Сережа, каждая ошибка имеет фамилию, имя и отчество – я это знаю наверняка.

Почти то же самое она выскажет следователю городской прокуратуры Василию Маргелову, когда после непродолжительного разговора и ознакомления с делом будет покидать

его кабинет. А сейчас она позвала гостя на кухню и, переливая через край, наполнила рюмки.

– Вздروгнем, – предложила Валентина. – И пусть кого-то перекорежит в этот миг.

Они выпили. Валентина потянулась к конфетам, другой рукой указывая на бутылку.

– Я не должна оправдываться перед тобой, но поверь, это временно. Уже завтра я займусь делом и надолго забуду вкус спиртного.

Сергей не представлял себе, что она собирается предпринять. Ему с трудом верилось, что женщина с мутными от спиртного глазами, роняющая пепел на платье, по ее заверениям, завтра вдруг резко преобразится. А спиться она может, как спился когда-то ее отец, на это денег как раз хватит. Наверное, правы врачи, утверждая, что алкоголизм передается по наследству. В этом нетрудно убедиться, взглянув на Ширяеву. Все подтверждало ее откровения: грязная, оставленная с вечера посуда в раковине, крошки хлеба на полу, которые она сметет в угол, поленившись сходить за совком; не хватает сил и на то, чтобы отмыть коричневатое пятно под холодильником, полить увядающие цветы на подоконнике, снять паутину в углу кухни...

Сергей попрощался с Ширяевой на кухне. Валентина не встала, чтобы проводить его до двери, лишь приподняла тяжелую хмельную голову и заплетающимся языком поблагодарила парня – за то, что она напилась в его присутствии, за

деньги, за его участие. В дверях он остановился, не расслышав ее последние слова.

– Захлопни дверь, – повторила она и приподняла палец, привлекая внимание Сергея. – В день убийства дверь была закрыта на защелку. А Илья всегда закрывался на два оборота.

И эти слова она скажет старшему следователю по особо важным делам Василию Маргелову.

Сергей прошел узким коридором и остановился возле закрытой комнаты, где была убита девочка. Вчера он торопливо миновал ее, а сейчас, неслышно отворив дверь, устремил взгляд на кровать Ильи.

"...Их было, по крайней мере, двое".

Выходя из квартиры, он вспомнил начало их затянувшегося разговора. "Один человек потерял свою дочь, ее зверски замучили, он должен узнать всю правду. Я докажу, чего бы мне это ни стоило". Тогда Сергей мало что понял, зато сейчас смысл сказанных Ширяевой слов обрел реальные очертания. До того четкие, что просматривался кровавый финал. Ибо судья вознамерилась не только отомстить, а доказать вину конкретного человека.

Шустов уже устал ждать Сергея и собрался уходить, когда увидел его выходящим из подъезда.

Олег выругался.

– Я думал, ты заночуешь, – недобро процедил он.

– Извини, Олег.

Шустов взгляделся в товарища более внимательно, уловил исходящий от него запах спиртного.

– О чем вы говорили?

Белоногов ухмыльнулся.

– О жизни.

– Много выпили?

– В основном пила Ширяева. Я посоветовал ей подольше оставаться в хмельном угаре: может натворить всякого по глупости.

– А ну, рассказывай, – потребовал Олег. – Я и так за тебя втык получил. Мне не в кайф нравоучения Рожнова, – повысил он голос.

Сергей пожал плечами и на ходу передал содержание беседы с подвыпившей судьей. Из всего сказанного Шустов уяснил для себя главное: Сергей распустил сопли, сочувствует судье – продажной особе. Ему придется докладывать Михаилу Константиновичу о результатах судебного слушания, заодно расскажет про "сопли" Белоногова. Но прежде сам проведет профилактику.

– Спать, только спать...

Валентина с трудом дошла до ванной комнаты, достала из аптечки упаковку феназепама и выпила две таблетки. Оглядев себя в зеркале, подмигнула отражению:

– До завтра.

И вышла из ванной.

Как и накануне, она не стала раскладывать диван, а улег-

лась на покрывало. Снотворное еще не начало действовать, а она уже спала.

Если Белоногов сомневался в том, что на следующее утро судья внезапно переменится, то у Валентины на этот счет не было сомнений: она испытает только кратковременный дискомфорт, который исчезнет с первой чашкой крепкого кофе и холодным душем. Сергей в своих выводах был не прав: природа отдыхала на дочери алкоголика.

Олег Шустов остановил машину напротив городского ботанического сада. Немного посидев за рулем, он кивнул Сергею Белоногову:

– Пойдем прогуляемся.

Сергей предчувствовал неприятный разговор с командиром и пытался угадать причину его недовольства.

Широкая аллея вывела их к озеру, где трудились, проходя летнюю практику, школьники.

День выдался жарким, на Шустове были легкие светлые брюки и рубашка с коротким рукавом. Он закурил, предлагая Белоногову сигарету. Тот отказался.

– Вот что, Сергей, – выпуская носом дым, начал Олег. – Мне откровенно не нравится благотворительность, которой ты занялся.

Не отвечая, парень кивнул.

– Не пойму, – продолжил Шустов бесстрастным голосом, – с чего ты завелся? Ты что, действительно такой милосердный? Тогда твое место не в боевом отряде, а в благотворительной организации.

– Не в этом дело, Олег, – возразил Белоногов, но был остановлен протестующим взмахом руки.

– А в чем? Объясни мне. Тебе не кажется, что я обязан знать подробнее о деталях происходящего? О твоём настро-

ении, например. Причем давно. Вместо этого я строю догадки, жду, когда ты откроешь рот. А ты жуешь сопли. "Никакой личной инициативы" – тебе это о чем-нибудь говорит?.. Чего ты молчишь?

– Говорит. Но, Олег...

Шустов снова перебил собеседника:

– Именно так формулировали твои обязанности, когда брали в отряд. Это касается каждого из нас. Эмоции всегда вредны делу. Что, тебе больше не хочется получать хорошие деньги? Ты действительно стал борцом за идею?

– А ты? – В глазах Сергея Шустов уловил язвительность. – Ты только за "бабки" проветриваешь мозги бандитам?

– Представь себе – да, – не повышая голоса, так же монотонно ответил командир. – За идею борются те, кто сидит на окладах. Или делают вид, что борются. Если меня возьмут во время проведения мероприятия, я знаю, что меня ждет. За моей спиной не будет никого, и меня шлепнут так же профессионально, как это делаю я. И ты тоже. Департамент "5" – не последняя инстанция.

Белоногов скривился: разговор принял другое направление. Хотя ему неприятны были обе темы, затронутые Шустовым.

Сергей поднял с земли сухую ветку и стал сбивать листья с куста шиповника. Шустов бросил окурок в траву и затоптал его. Сунув руки в карманы брюк, он выжидающе посмотрел на младшего товарища. Белоногов бросил терзать шиповник

и отшвырнул ветку.

После разговора Сергея с судьей, которая, по его словам, напилась до бесчувствия, Олег сделал неожиданный вывод: Белоногов, как ему показалось, собрался прыгнуть через его голову и встретиться с Рожновым. Тема разговора: судья Ширяева. Помня об этом, Шустов наставительно, будто разговаривал с одним из школьников, наводящих в саду порядок, произнес:

– Рожнов так же, как и мы, получает приказы и по рукам связан тем же – невозможностью проявлять личную инициативу. Это не его дело – отслеживать ошибки и нарушения в ходе следственной работы правоохранительных органов. Тем более когда речь идет о прокуратуре. К тому же "наверху" знают, какие дела следует прикрыть, а в каких пустить следствие по тому или иному направлению.

На Олега накатила волна раздражения, и он едва сдерживал себя. И кто тому виной! Ему, Шустову, не нужно было прыгать через чьи-то головы. Он просто сообщит о настроениях подчиненного Рожнову, и Белоногова уберут из отряда. А он, Олег, даже не поинтересуется дальнейшей судьбой товарища. Он и так довольно терпеливо сносил мелодраматическое настроение Сергея, когда его брат попал в неприятную ситуацию. И отнесся по-человечески, даже посочувствовал, дал рекомендации, как поступить, не вовлекая в дело Рожнова.

Ладно, дело с братом Белоногова улажено. Кажется, ула-

жено, потому что последовало неожиданное продолжение: судья, взявшая за процесс двадцать тысяч долларов, вызвала сочувствие у бойца спецгруппы, в чьи задачи входит ликвидация преступников, и выбила из него жалостливую слезу.

Однако парень мужает на глазах, отвлекаясь от главной мысли, подумал Шустов. В речи Сергея появились выражения, которые тот невольно перенял от старших товарищей по отряду. "Проветрить мозги" – было чуть ли не любимым изречением Андрея Яцкевича и означало прострелить голову.

Пожалуй, Яцека можно было назвать самым хладнокровным бойцом в отряде, он равнодушно дырявил головы бандитам. Но, спрашивается, делал ли он это за идею, никак не мог успокоиться Олег. Нет, похоже, ею и не пахло. Скорее главным для него был азарт, деньги оставались на втором плане.

Олег подумал о жестокости Яцкевича, невольно сравнивая себя с ним. Нет, Яцеку еще расти до командира, именно до командира, возможно, он так и останется рядовым бойцом, пока ему самому не проветрят мозги. А случиться такое может скоро. Яцкевичу бесполезно говорить о том, чтобы он унял свою артистическую натуру во время боевых операций. В какой-то степени это был стиль Андрея, потому и невозможно было спутать его ни с кем другим. А менять манеру – бесполезное и опасное занятие. Никто в отряде не собирался подстраиваться друг под друга, в противном случае терялись бы личные навыки.

Шустов прикурил вторую сигарету. Они с Сергеем отошли от озера, направляясь к двум высоким вязам, возвышающимся у металлического ограждения сада.

– Пойми, Сереж, как только я обращусь к Рожнову по поводу Ширяевой, нас тут же попросят сдать оружие и даже не махнут на прощание ручкой. Мы занимаемся серьезными делами, и любой шаг в сторону начальство в лучшем случае насторожит. Выкинь ты эту судью из головы – взяточница, карьеристка, о ней даже говорить противно. Что из того, что девочку убил не ее сын? Ничего же не изменилось и не изменится, а девочку не вернешь.

Пожалуй, такого резюме от своего командира Сергей не ожидал. Он пристально взгляделся в его лицо. А Шустов, поняв, что сказал лишнего, вновь смягчился:

– Нужно верить в следующее, Серега: когда-нибудь – я думаю, скоро – подонки, убившие девочку и парня, найдут свою пулю.

– Но не будет главного, Олег, – по инерции продолжил Сергей, – Валентина Петровна так и не сможет доказать, что ее сын непричастен к преступлению, в котором его, уже мертвого, обвиняют. Не следствие и суды, а отец девочки – вот в чем проблема, Олег.

– Слушай, ты, Зорро! – терпение Шустова лопнуло. – Иди-ка ты...

– Куда? – прищурился Сергей, не меняя позы.

Олег глубоко выдохнул и примирительно поднял руки:

– Ладно, все, Сергей. Наша прогулка окончена. Делай выводы сам.

Белоногов ответил натянутой улыбкой.

Друг к другу они могли испытывать любые чувства, но на этапе подготовки и проведения операции все бойцы отряда были одной командой. Невозможно хоть сколько-нибудь дать определение такому состоянию, можно лишь провести параллель или сравнить, например, с обычным силовым подразделением специального назначения. И там среди бойцов не существует пресловутой идиллии. Когда идут на задание – да, происходит единение, каждый надеется на себя и товарища. Известны лишь редчайшие случаи, когда по причине лютой ненависти в бою кто-то получал пулю в спину. Но и это можно объяснить расстройством нервной системы, психозом и тому подобными вещами. Критических ситуаций можно избежать, существуют довольно действенные способы, когда командир или кто-то из товарищей вовремя докладывает начальству о зарождающейся ненависти и участвовавших нервных срывах. Такое случается оттого, что бойцы в основном живут ожиданием, а на операциях ходят рука об руку со смертью.

Продолжая улыбаться и покачивая головой, Сергей двигался чуть позади командира и поравнялся с ним, ступив на широкую аллею.

Белоногов придавал состоявшемуся разговору с командиром гораздо большее значение, чем сам Олег. Шустов был

более опытен, хотя знал наверняка, что беседа не принесет положительных результатов. Но указать на слабые места товарища Шустов был обязан. Да, он мог бы попросить Рожнова убрать Сергея из отряда. Но не сделал этого потому, что Белоногов был нужен ему: Сергей благодаря своему характеру и, главное, молодости играл в отряде роль своеобразного буфера.

К тому же вся ответственность за него лежала на Шустове, так как это он предложил Рожнову кандидатуру Белоногова. Он не услышал от полковника возражений – подобрать команду и работать с ней предстояло именно Шустову, несмотря на то, что Костерина, к примеру, нашел сам Михаил Константинович. А в случае провала никто не будет искать виноватых. Бойцы спецгруппы "Ноль" не имели права на провал; что будет, если они вдруг потерпят фиаско, – никто старался об этом не думать.

Шустов сел в машину, окинув Сергея ироничным взглядом: "Борец за идею..." – и в который раз покачал головой.

Белоногов не смотрел на командира, иначе бы разглядел откровенную насмешку в выражении его лица. Он ждал, когда Олег заведет двигатель и тронется с места, но командир сидел за рулем, бросая иногда взгляд на часы.

Прошло пять минут, и Сергей понял причину, по которой Олег медлил: позади скрипнули тормоза, задняя дверца подъехавшей машины открылась, и в салон протиснулись Андрей Яцкевич и еще один опытный боец отряда Норик

Оганесян.

Белоногов бросил на командира осуждающий взгляд: "Коллективное воспитание..." И вслух добавил:

– Зачем ты так, Олег?

Вместо Шустова полушутливой фразой ответил Оганесян:

– Надо, Серый, надо.

– Значит, вы за моей спиной...

– А ты как думал? – перебил его Яцкевич. – Мы играем во взрослые игры. А к любой игре надо относиться серьезно. Я не хочу, чтобы в один прекрасный момент кто-то не прикрыл мне спину, пустив слюни.

– Все, я ухожу из отряда! – вспылил Сергей.

– Сначала выйди из машины.

Белоногов резко повернулся в кресле и ожег Яцкевича взглядом. Пальцы его сжались в кулак.

– А ты не хочешь выйти со мной?

– Пошли! – Яцкевич схватился за ручку дверцы.

– Закончили! – осадил их Шустов. – Сидите на месте!

– А чего он?.. – у Сергея не хватило слов. Невольно его нижняя губа выдвинулась, выражая детскую обиду.

– Яцек прав, – жестко произнес Олег. – Тебе надо учиться у него. У Норика, Тимофея. Убей в себе жалость, Серега.

– Ладно, – Белоногов постарался взять себя в руки. Он достал пачку "Мальборо", зачем-то размял сигарету. – Скажите мне, в чем я не прав? В том, что проникся сочувствием

к женщине, у которой убили сына, свалили на него вину за убийство девочки? Это преступление?

– Это называется слабостью, – ответил Оганесян. – У меня такое чувство, что ты говоришь под чью-то диктовку, это не твои слова. Мне интересно, почему ты поверил ей.

– Да потому, что говорил с ней, видел ее глаза.

– О-о... – протянул Яцкевич, – Толстой взялся за старое. Тебе двадцать три года, а говоришь, как старый пердун. Тут без закаливания не обойтись. А ну-ка, давай со мной. – Он решительно вышел из машины, успокаивающе кивнув Олегу. Оганесян, поморщившись, остался на месте.

Они отошли к воротам сада.

У Яцкевича было одно, несомненно, положительное качество: во время разговора он мог, не мигая, долго смотреть на собеседника. Сергея всегда удивляло, что его глаза от этого не высыхали.

Андрей был на пять лет старше Белоногова, немного пониже, но шире в плечах. Как и командир, Яцкевич носил усы.

– Знаешь, – начал Андрей, – я не люблю выражений, которые ты употребляешь. Но дело не в этом. Я хочу рассказать тебе одну историю, которую где-то вычитал. На Востоке булатные клинки полагалось закаливать в теле сильного рыжеволосого раба. Это одна версия. Другая гласит, что охлаждать клинок следует в ослиной моче. Какой вариант тебя больше устраивает?

Сергей промолчал, гоняя желваки. Он всегда завидовал

Яцкевичу, его выдержке, умению разговаривать, не впитывая в себя настроение окружающих. Андрей был вспыльчивым, умел настоять на своем. Но в некоторых случаях находил в себе силы отступить от собственного мнения, если чувствовал, что его позиция слабее. Это тоже положительное качество. Он был настоящим бойцом, в нем напрочь отсутствовал страх. Шустов был прав: многому нужно учиться у Андрея.

Конечно, никто из команды не потерял человеческого облика, все выглядели нормальными людьми. Но, приступая к работе, все как один словно влезали в чужую шкуру. Или на время выплевывали душу.

Сергей улыбнулся и, положив на плечо Яцкевича руку, произнес нескладную фразу:

– Я тоже рыжеволосый. И мне не нравится ослиная моча.

Он не хотел располагать к себе Яцкевича, просто так вышло.

– Серега, убери руку с моего плеча. Пора становиться не мальчиком, а мужем. Мы профессионалы. Запомни одну вещь: я равнодушно отнесусь к тому, что однажды замочат кого-нибудь из команды. А если меня спросят, где мой приятель, я отвечу, что его размазали по стене. Уяснил?

– Да.

– Я знал, что ты меня поймешь, – ухмыльнулся Яцек.

Когда Шустов скомплектовал спецгруппу «Ноль» при «пятерке», полковник Рожнов, еще до представления ему отдельных бойцов, тщательно проверял и перепроверял данные на каждого, затребованные им по каналам агентурных связей. И только после этого, имея на руках пять папок с личными делами, встретился с боевиками. Он роздал им по четыре чистых листа бумаги, ручки и предложил каждому письменно изложить свои лучшие и худшие качества.

Для этого мероприятия полковник Рожнов использовал два заранее подготовленных класса в одной из московских школ. Вернее, он только распорядился, а готовили помещения специалисты из управления.

– Задача не из легких, – предупредил он группу, когда пятерка бойцов уселась за парты, – хотя на первый взгляд видится довольно простой. Я не хотел бы ограничивать вас по времени, однако вынужден дать вам всего два часа. Черновики, если таковые будут, не выбрасывать, а предоставить мне в конце второго часа. Предупреждаю: из написанного вами вы ничего не должны зачеркивать, ясно?

Члены группы одновременно кивнули.

– Вы забыли определить минимальное количество слов, – язвительно заметил Яцкевич, неотрывно глядя на стоящего возле стола полковника. Он все еще не верил, что ему при-

дется вспомнить школьные годы и писать изложение. Затея полковника Яцкеку явно не понравилась, он не видел в ней смысла.

– Чем меньше вы напишете, – предупредил Рожнов, строго глядя на Яцкевича, – тем больше мне это не понравится. Хочу вам заметить, что в моем списке вы на последнем месте.

– Это по алфавиту, – моментально отреагировал Яцкевич, – но не по значению.

– Да нет, именно в том приоритете, который я подразумевал. Я внятно говорю?

Андрей, переглянувшись с Оганесяном, хмыкнул: два часа. Да за это время можно написать пару рассказов. И взялся за ручку.

Полковник перехватил его взгляд и ответил красноречивым взглядом: "Ну-ну, посмотрим, сколько листов ты испортишь, острослов".

Он как в воду глядел: первым психанул именно Яцкевич, когда полковник ненадолго отлучился из комнаты. Прошел всего час, а Андрей исчеркал уже все листы.

– Мы занимаемся идиотизмом! – Он подошел к Тимофею Костерину, стараясь заглянуть через его плечо. – Тимоха, ты уже похвалил себя? Дай списать!

– Мне нечем хвалиться, – ответил Костерин, прикрывая рукой исписанные листы, – я обхаял себя, как только мог.

– Черт! – выругался Яцкевич. – Что за дурацкая затея!

Дайте кто-нибудь переписать! Мы же команда! – Он обвел "курсантов" взглядом. – Ну хотя бы начало. Кто даст? Олег, ты самый положительный, дай!

Шустов отрицательно покачал головой. Ему самому затея полковника показалась чересчур оригинальной. Во всяком случае, думал он, Рожнов мог бы освободить его как командира группы от этой писанины.

– Андрей, – позвал Яцкевича Белоногов, – можешь посмотреть у меня.

– Друг! – Яцек бросился к Сергею и буквально вырвал у него из рук лист бумаги. Вернувшись на свое место, Андрей начал торопливо переписывать, изредка качая головой. – Неужели я такой плохой? – скороговоркой бросал он, то и дело поглядывая на дверь.

Рожнов сидел в соседнем классе и смотрел на монитор. Все пять человек, снимаемые скрытой камерой, были у него как на ладони. Полковник, наблюдая за командой, делал пометки в своем блокноте.

– Что такое гетеросексуальность? – Яцкевич, подняв листок Белоногова, полуобернулся и подозрительно осмотрел свежее лицо Сергея.

– Половая ориентация, – тут же откликнулся Оганесян, отрываясь от задания.

Брови Яцека поползли вверх.

– Что, и мне так писать?!

– Напиши, что ты – бисексуал, – предложил со своего ме-

ста Тимофей. – Или трансвестит.

– Черт, я нормальный мужик!.. Ну чего вы все уставились на меня?! Может, соскоб возьмете?

Команда ответила на предложение Яцкевича дружным смехом.

– Я вообще не пойму, – продолжил негодовать Яцек, – зачем писать про половую ориентацию? Это же не качество!

– Смотря для кого, – смутно выразился Оганесян.

– Слушайте, – Яцкевич поднялся с места, – нам велено отобразить свои лучшие и худшие качества.

– "Отобразить", – с выражением повторил Костерин, по-американски положив ноги на стол. – В тебе рождается поэт.

– Тут кто угодно рождается, стоит только почитать Серегино произведение. Слушай, Толстой, – обратился он к Белоногову, – я не пойму, твоя сексуальная ориентация – это хорошее качество или плохое?

– Скорее всего, это добродетель, – вставил Костерин, поведя затекшей шеей. Он больше часа провел, склонившись над столом. Работу он уже закончил и упражнялся, описывая свою внешность, с использованием специальной терминологии. Он отметил свою прямую спину, правильную линию плеч, нормальный размер противокозелка, невыраженную носогубную складку, впалые щеки, радужную оболочку глаз, которая выделялась глубокой синевой...

– Ты что, гордишься своей ориентацией? – не унимался Яцек. Он уже оказался рядом с Белоноговым.

– Сядь на место, – велел ему Шустов, сердито блеснув глазами.

– Нет, пусть он мне ответит. Я хочу знать, с кем мне придется работать.

– Гетеро – это нормально, – попытался успокоить товарища Сергей.

– Да?! – сощурился Яцкевич. – Ты, зеркало русской революции, тебе положено верить на слово?.. У меня предложение, – сообщил он "классу", продолжая сверлить глазами Сергея. – Если еще кто-то видит свою половую ориентацию положительным качеством и уже... отобразил это, пусть немедленно вычеркнет. Мы – команда! – повторился он. – А не собираемся вступать в половой контакт с преступниками.

– Скорее с их подругами, – отреагировал Оганесян. – Если, конечно, учесть нашу нормальную физиологию.

– Нет, куда я попал! – Яцкевич швырнул на стол Сергея лист бумаги и вернулся на свое место. Затем вскочил и снова оказался около Белоногова. – Вы только послушайте, что написал этот философ! – Андрей постарался прочесть с выражением: – "Я человек крайностей. Поступаю либо ответственно, либо нет, так как середина между этими понятиями отсутствует, равно как и любая связка между ними. Пользуюсь, если можно так сказать, двумя поговорками: "Все, что ни делается, – к лучшему" и "На бога надейся, но и сам не плошай". Последняя поговорка, как мне кажется, принуж-

дает думать; нельзя жить и постоянно держать ее в голове. Также нельзя сделать ее основой жизни, иначе будешь жить по правилам, сам себя лишишь свободы. Потому что часть понятия "свобода" содержит в себе безответственность. А может быть, это одна из форм свободы – только до поры до времени, ибо безответственность так или иначе приведет к ограничению свободы – в любых проявлениях".

Яцкевич замолчал и обвел взглядом каждого "ученика".

Первым откликнулся Оганесян.

– Случай тяжелый, лечению не поддается, – громко произнес он.

Остальные почему-то смотрели не на автора "бессмертных" строк, а на Андрея.

– Я поражен, – наконец высказался Тимофей.

– Я тоже, – поддержал его Олег Шустов и уставился на Белоногова. – Ну ты даешь!

– Такое чувство, что это послание Миру из мест лишения свободы. – Яцек вернул Сергею бумагу и, покачивая головой, сел за парту. Но снова обернулся: – Ты не больной случайно?

Искренняя и дружеская улыбка Сергея Белоногова послужила ему положительным ответом: да. То ли больной, то ли здоровый.

Рожнов не стал долго задерживаться, он отсутствовал четверть часа. Полковник, бросив взгляд на часы, сообщил "курсантам", что в их распоряжении осталось сорок минут.

– Кто уже закончил работу, может выйти в коридор.

– Перемена? – сострил Оганесян, не поднимая глаз.

Его замечание осталось без внимания. Все продолжали находиться на своих местах. Хотя Яцкевич бросил через плечо взгляд на Сергея: Белоногов снова что-то писал. Андрей перебрал испорченные листы бумаги и, как школьник, поднял руку.

– Что? – полковник вопрошающе приподнял бровь.

– Можно еще бумаги?

Рожнов молча пододвинул к краю стола чистый лист.

Он уже многое увидел, разберется еще лучше, когда прочтет все, что написали "курсанты". Пока его удовлетворяло поведение команды. Даже взвинченность Андрея Яцкевича не виделась ему отрицательной. Что касается самого молодого члена группы, Сергея Белоногова, то он произвел на полковника весьма благоприятное впечатление.

Через сорок минут Рожнов потребовал сдать работы.

– Рецензий на свои характеристики не ждите, – сказал он. – Отзывы о них я приобщу к личному делу каждого из вас, так же как и ваши работы. Все свободны – кроме Шустова.

– Мюллер, – проворчал Яцкевич, первым выйдя из комнаты. – У него плохое настроение, а я оказался крайним.

– Как и положено начальнику, шеф не стал искать крайнего, а назначил его, – широко улыбаясь, заявил Оганесян. – Так что тебя можно поздравить с повышением.

– Ну ты такой умный! – воскликнул Яцек, словно впервые

увидел Оганесяна. – Только почему-то богатый.

Норик был одет если не вызывающе, то броско: яркие спортивные брюки, дорогие кроссовки "Роверс", на руке "спартанские" часы "Свотч". Кроме того, на шее у него болтался "ксивник" – наверняка пустой, носит его для понта.

На взгляд Яцкевича, Оганесян молодился – ему было тридцать два, а одевался как подросток. Андрею тоже нравились модные вещи – вот, к примеру, кроссовки у Оганесяна были высший класс, ему хотелось спросить Норика, сколько они стоят, однако предчувствовал, что острослов-армянин ответит в духе: "Не знаю. Это подарок твоей подруги".

Рожнов собрал листы в папку, вытащил кассету с записью и вызвал специалистов из управления. Пока они демонтировали записывающую аппаратуру, он пробежал глазами несколько листов, а остальные решил проанализировать дома.

Устроившись в удобном кресле, полковник включил торшер и принялся за работу.

Самое "героическое" и, пожалуй, напыщенное начало оказалось в черновике Тимофея Костерина. Он писал: "Я ненавижу коррупцию и бандитов". Эта фраза, несмотря на запрет полковника, была зачеркнута. Тимофей даже сделал попытку заштриховать слова, но, видимо, вовремя вспомнил предостережение начальника. Записи, сделанные в черновике, говорили о том, что Костерин долго думал, с чего начать, что совпадало с визуальными наблюдениями Рожнова. Пол-

ковник представил себе, как неловко должен был чувствовать себя Тимофей, когда прочел свои мысли, перенесенные на бумагу.

Костерин был единственным судимым среди кандидатов, он отбыл срок по статье 107 Уголовного кодекса РСФСР – доведение до самоубийства. Часть формулировки статьи, естественно, напрямую касалась Тимофея: "Доведение лица... до самоубийства путем систематического унижения его (потерпевшего) личного достоинства". Потерпевшим был рядовой, проходивший срочную службу в подразделении, которым командовал Тимофей Костерин.

Когда Рожнов взял в руки записи, сделанные Оганесяном, ему на какое-то время показалось, что Норик даже пишет с акцентом, – он отметил множество орфографических ошибок в его работе. Однако знаки препинания были расставлены правильно.

Еще раз перечитав ответы Оганесяна, Рожнов понял, что армянин намеренно пишет с ошибками, невозможно быть таким безграмотным. В одном месте Норик поставил мягкий знак после гласной, одним словом, перестарался и выдал себя.

Размышляя, Оганесян рисовал в черновике кошачьи мордочки: то мультяшно улыбающиеся, то показывающие грозный оскал острых зубов. По рисункам Рожнов определил, что наблюдательности Оганесяну не занимать. Впрочем, об этом армянин упомянул едва ли не в первой строке сочине-

ния: "У меня острый глаз и отличная память". Слово "отличная" он также написал с мягким знаком.

В отличие от остальных, Оганесян чередовал свои положительные и отрицательные качества: "Я вспыльчивый, но быстро отхожу", другие же четко разграничили задание, вначале описав все положительное, затем – отрицательное.

Оганесян проходил службу в составе отряда специального назначения МВД. Уволился, написав рапорт на имя командира части, так как не ужился с офицерами части по причине своей национальности.

Белоногов заново переписал свою работу, где не упомянул о своей половой ориентации, которая вызвала негодование у Андрея Яцкевича. У полковника сложилось впечатление, что Сергей просто подшутил над товарищем, подсунув ему черновик с необязательной в этой ситуации фразой. Однако пришлось эту мысль отвергнуть: с трудом верилось, что кто-то мог попросить, как сделал это Яцкевич, списать задание.

Белоногов проходил службу вместе с Олегом Шустовым в центре спецподготовки ФСБ в качестве младшего инструктора. Свое увольнение из центра ничем не обосновал, по словам самого Олега, уволился из-за солидарности с командиром, то есть майором Шустовым. Однако на раздумье у Сергея ушло почти два месяца – ровно столько майор Шустов находился без работы, пока не принял предложение Рожнова. Только после состоялся короткий разговор с бывшим подчиненным, и Олег порекомендовал Сергея полковнику

ФСБ, восстановленному к тому времени в органах службы безопасности. По идее, неофициальная формулировка "из-за солидарности" теряла смысл, однако в разговоре Шустова и Рожнова именно она стала основополагающей для принятия Белоногова в кандидаты вновь создаваемого подразделения ФСБ.

А вот работа самого Яцкевича. Тоже несколько напыщенно, но написано твердо. И ничего из работы Сергея Белоногова.

"Я хорошо знаю все виды стрелкового оружия. Отлично стреляю, в совершенстве владею холодным оружием и приемами рукопашного боя... Я не женат (качество?)..." – а это явный намек на Белоногова, так как Яцкевич именно спрашивал об этом, взяв вопрос в скобки и выражая сомнение. Скорее всего вопрос был обращен к полковнику.

Рожнов сделал еще один вывод, правда, не бесспорный. Вдруг Яцкевич догадался о том, что полковник наблюдал за ними в свое отсутствие и стал свидетелем разгоревшегося спора? Если это так, то Андрей очень смекалистый парень.

Яцкевич – бывший офицер-десантник, впоследствии проходил службу в ОМОНе, рекомендацию ему дал Норик Оганесян. В приватной беседе с полковником выяснилось, что Яцкевич был единственным офицером в подразделении, относившимся к кавказцу с уважением.

Работа Олега Шустова Рожнову не понравилась. Бывший майор исписал всего один лист: не в меру крупным почер-

ком, с двух сторон, остальные три листа были абсолютно чистыми. Олег оказался единственным, кто пренебрег возможностью вначале изложить свои мысли на черновике. Этот факт говорил о многом, например, о взвешенности Шустова.

А не понравилось Рожнову то, что Олег излагал мысли длинно, казалось, уходя от собственных вопросов. Изворотливость? – подумалось полковнику. Может быть. Он ухмыльнулся, помянув горячность Яцкевича: вот и определи, положительное это качество или отрицательное?

Рожнов, как и предвидел, узнал многое о бойцах спецгруппы. При всем желании он не узнал бы больше даже в доверительной беседе с глазу на глаз. Да, откровенный разговор вряд ли бы дал лучший результат.

И еще одна деталь, которая не могла не порадовать полковника: никто из бойцов и словом не упомянул о своей предыдущей службе и заслугах. Хотя тот же Яцкевич, чья кровь была ненамного холоднее, чем у Оганесяна, мог написать, что во время боевой операции в составе спецназа особо отличился и был представлен к правительственной награде. А Тимофей Костерин мог похвастаться пятью годами заключения в колонии усиленного режима, куда попал после пяти лет службы в ВДВ.

Однако они не хвалились, а довольно четко выполнили распоряжение начальника, отметив свои качества. А это и было главным в замысле Рожнова.

Как бы то ни было, Рожнов ответами подчиненных остал-

ся доволен. Полковник наметил двух человек, которым в скором будущем намеревался сделать не совсем обычное предложение. Ему показалось, что оба не откажутся.

Бойцы возвращались из Москвы в Юрьев на машине Яцкевича, "девятке" с тонированными стеклами и мятым передним крылом. Пока по просьбе полковника и с согласия Шустова на первых порах все остановились в трехкомнатной квартире командира. За исключением Шустова и Белоногова, остальные были коренными москвичами.

– Я предлагаю снять напряжение, – высказался Яцкевич. – Даже когда учился в десятом классе, нам не задавали таких упражнений. Олег, – обратился Андрей к Шустову, сидящему на переднем кресле, – Рожнов не педагог, случайно?

– Он Учитель, – протянув букву "у", констатировал Костерин, зажатый с двух сторон Оганесяном и Белоноговым.

Костерин имел внешность, соответствующую довольно меткому и распространенному выражению "разбойничье обаяние". По возрасту он был старшим в группе, ему исполнилось тридцать шесть. До последнего времени он работал охранником в частной фирме. Предложение "поработать на правительство" для Костерина ничего не значило, его заинтересовали только деньги, которые пообещал юрист Рожнов.

Яцкевич бросил взгляд в панорамное зеркало, поймав на миг выражение лица Костерина.

– Тима, тебе не боязно сидеть в тесном контакте с гетеросексуалом? – поинтересовался он.

– Нет, – ответил Костерин. – Если учесть, что Серега ведет себя довольно пассивно.

– Тогда поменяйся местами с Оганесяном, – подал совет Яцек.

– Мне кажется, – буркнул Шустов, – мы скоро договоримся до чего-нибудь интересного.

– Вот почему я и предлагаю куда-нибудь заскочить, – повторился Яцкевич. – В Юрьеве есть более-менее приличная забегаловка?

Сергей Белоногов, улыбаясь беззлобным шуткам, которые отпускал в его адрес Яцкевич, смотрел в окно.

– Сейчас направо, – подсказал Шустов, когда Яцкевич подъехал к перекрестку.

– Знаю, – Яцек резко вывернул руль, перестраиваясь в правый ряд за пять метров до светофора.

Оганесян покачал головой:

– Удивляюсь, как ты едешь по Москве?

– Мне все равно, где ездить: по улицам Москвы или Пестравки. – Трогая с места и поглядывая в панорамное зеркало, Яцкевич попросил: – Тимоха, убери голову, я ни черта не вижу. Можешь положить ее на плечо Бельчонка.

Шустов не выдержал и рассмеялся.

Белоногов удивился, он редко видел Олега даже улыбающимся.

12

Ширяева проснулась рано. Балкон был открыт, и ей показалось, что утро промозглое. Она подернула плечами, потянулась рукой к будильнику, поворачивая его к себе: половина пятого. Еще пять минут, решила она, тщетно пытаюсь согреться.

Ее качнуло в сторону, когда она встала и с полузакрытыми глазами вынула из прикроватной тумбочки одеяло.

Пять минут затянулись надолго, женщина проснулась окончательно только к девяти часам. Включив радио на кухне, она прошла в ванную, оставив дверь открытой. Из зеркала на нее смотрело опухшее лицо, обрамленное всклокоченными после сна волосами.

Валентина достала с полки краску для волос и приготовила краситель в чайной чашке. Начиная с затылка, она равномерно нанесла краску и несколько раз прошла по волосам расческой.

Пока волосы прокрашивались, она вскипятила чайник и заварила крепкий кофе. Недопитую бутылку коньяка убрала в холодильник. Вопреки привычному, приготовила завтрак и через силу поела.

Приняв ванну, она уже с удовлетворением осмотрела себя в зеркале. Волосы хорошо покрасились, скрывая не только седину, они приобрели светло-каштановый оттенок.

Женщина набрала номер телефона старшего следователя городской прокуратуры по особо важным делам. Трубку никто не брал. Стоя на балконе, Валентина выкурила первую сигарету. Голова слегка закружилась. Невольно вспомнился вчерашний день, гость, отнесшийся к ней с вниманием, и разговор, который она помнила от начала до конца. Чувствуя неловкость, женщина нахмурилась: черт ее дернул за язык рассказать всю подноготную своей семьи.

Словно реабилитируясь перед Сергеем, Валентина прибралась на кухне, вымыла пол, периодически пытаясь соединиться с Маргеловым.

Наконец в половине двенадцатого следователь снял трубку. Он не очень обрадовался звонку бывшей коллеги, но от встречи не отказался, назначив ее на 14.30 у себя в кабинете.

Поблагодарив Маргелова, Валентина подумала, что успеет забежать в парикмахерскую и на вещевой рынок.

Ширяевой пришлось немного подождать в коридоре прокуратуры, пока Маргелов вел допрос. Все было знакомо в этом здании, где она начинала работу в качестве следователя. Стены были обшиты древесными плитами со светлой полировкой, лампы дневного освещения без плафонов, которые, наверное, так и лежат в подсобке на первом этаже. Правда, линолеум другой: вместо темно-коричневого с аляповатым рисунком сейчас под ногами Валентины лежал современный, под паркет. И двери кабинетов не претерпели изменений – очень высокие, обитые темным кожзаменителем.

Маргелов освободился минут через пятнадцать. Не переступая порога кабинета, он оглядел коридор и кивнул Ширяевой:

– Заходи. – Открыв форточку, следователь кивнул на свой рабочий стол: – Не хочешь посидеть?

– Хочу, – совершенно серьезно ответила Валентина.

Маргелов хмыкнул и вернулся за стол.

Оба молчали. Следователь, посмотрев на Ширяеву исподлобья, открыл сейф и достал папку с делом.

– Ничего нового, Валя, – сказал он. – Ни одной зацепки. Все факты указывают на то, что девочку убил Илья. Об отце Светы Михайловой пока мы говорить не будем, его вина доказана. Осталось приобщить к делу характеристики с места

его работы и передать дело в суд.

Маргелов еще в коридоре отметил изысканный аромат дорогих духов посетительницы. И вообще поначалу он не сразу узнал в ней ту женщину, с которой когда-то вместе работал, а за последнюю неделю встречался два раза. Раньше она все время куда-то торопилась, мало следила за своей внешностью, была сухой и раздражительной. Сейчас перед Маргеловым сидела respectable вида женщина, в какой-то степени помолодевшая, в элегантном темно-зеленом костюме, с которым удачно гармонировал пепельного цвета нашейный платок. Казалось, что Илья своей внезапной смертью словно развязал матери руки, и она вдруг почувствовала себя женщиной, обнаружив в себе изысканность, стиль. До какой-то степени все это было естественным, если бы не та скорость, с которой произошло перевоплощение.

Маргелов досадливо поморщился и подумал про себя, что не прав. Может быть, в нем зародилась зависть, когда совершенно свободно, не чувствуя себя стесненной в дорогом костюме, словно носила такие всю жизнь, посетительница непринужденно зашла в его кабинет, раскованно устроилась на стуле и закурила сигарету.

Он видел сотни женщин, являвшихся к нему на допрос, чьи манеры напоминали поведение Валентины. От них также исходил запах дорогих духов, на пальцах сверкали перстни. Но он больше отмечал их глаза: у кого плутоватые, у кого напуганные, кто-то умело делал их бесстрастными. Вот только

ни у одной из них не было таких усталых, глубоко запавших, изнеможенных глаз.

Побарабанив по папке пальцами, Маргелов прервал молчание, повторившись:

– Валя, ты долгое время проработала следователем, не мне тебе объяснять, что вина Ильи полностью доказана. Свидетелей нет, но есть судебная медицина. У Ильи лицо было исцарапано, а под ногтями девочки судмедэксперт обнаружил фрагменты именно его кожи. На одежде и руках всюду кровь жертвы. У меня есть заключение психолога, где подчеркивается, что человек с болезнью Дауна, в принципе, способен на непредсказуемые действия. Не исключаются ни насилие, ни убийство.

– Есть схожие случаи? – спросила Ширяева.

– Я не искал, – недовольно ответил Василий, из-под нависших бровей близко посаженными глазами глянув на Валентину.

– Так поищи.

– А если я не найду? Что от этого изменится? – проявлял он свойственное ему упрямство, а точнее, нежелание усложнять себе жизнь.

– Дашь посмотреть дело? – Валентина смотрела на следователя неотрывно.

– Валя, в твои обязанности входит не борьба с преступностью, а лишь осуществление правосудия.

– Ты мне зубы не заговаривай, Вася. Кстати, можешь меня

поздравить: вчера я подала в отставку. А теперь скажи мне, что ты не слышал об этом.

– Слышал, ну и что?

– Дай посмотреть дело. – В голосе Ширяевой прозвучали требовательные ноты.

Маргелов выругался и нехотя поднялся со своего места. Подойдя к двери, он закрыл ее на ключ.

Ширяева пересела за стол следователя и принялась за изучение дела. Изредка поглядывая на женщину, следователь видел, как она покусывает губы и нервно затягивается сигаретой.

Валентина пыталась найти ошибки в ходе следственной работы, недоработки, за которые впоследствии можно зацепиться.

"Так, протокол следственного действия... Признаки орудия убийства, расстояния от неподвижных ориентиров... Все правильно. Фотографии... обзорные снимки, угловые, детальные с масштабной линейкой. Все верно. Здесь ничего не найти, Василий свою работу знает. Так, что там дальше... Нож... Работа медэксперта... Микрочастицы волокон ткани одежды, поврежденные ножом. Соответствуют... Микрочастицы органов потерпевшей... Трассы на предметах одежды, на коже и органах потерпевшей, возникшие в результате повреждения ножом... Кухонная терка... Пропустим... Удавка в виде детской скакалки... Так, следы пота опущены... Запах, перенесенный на потерпевшую при ударе ножом... Не вижу.

Пропущено. Следов металлизации нет. Предметы были изъяты в присутствии... с принятием мер... в медицинских перчатках... Дальше. Опросы соседей. Не в состоянии давать показания... Позже... Кто это? Слесарь-сантехник... Интересно. Это уже кое-что... Кувалда как вещественное доказательство хранится в опечатанном помещении..."

Валентина закрыла папку и потянулась к пачке сигарет.

– Много куришь, – заметил Маргелов.

Не отвечая, Ширяева махнула рукой.

– Нашла что-нибудь? – поинтересовался он.

– Так, кое-что, – неопределенно ответила Валентина. –

Есть пара замечаний к судебным медикам.

Василий знаком попросил Ширяеву освободить его рабочее место и открыл замок на двери.

– И все? – спросил он, усаживаясь за стол.

– Да нет, Вася. Тебя не насторожил тот факт, что никто не слышал криков девочки?

Маргелов покачал головой.

– Нет. Не забывай о петле на шее, девочка не могла кричать. Увечья она получила уже будучи придушенной. Затем удавку затянули ту же.

– И все это проделал умственно отсталый. – Валентина на миг прикрыла глаза, она вынуждена была сказать эти слова, которые относились к ее сыну.

– Все факты говорят за это, – ответил следователь. – Кроме Ильи и девочки, в квартире никого не было.

– Я читала протокол осмотра места происшествия, – язвительно заметила Валентина. – Ты отметил, что до взлома дверь была закрыта только на защелку замка?

– Ну и что?

– А то, что Илья всегда закрывал замок на два оборота.

– Это не факт. Что еще ты хочешь мне сообщить?

– Слесарь-сантехник – во время убийства он спал в своей каморке. Да так крепко, что показания с него брали аж на следующий день.

– Знаешь, Валя, это для тебя интересно, а для меня не очень. Между прочим, ты хорошо выглядишь.

– Заметил только сейчас? – натянуто улыбнулась женщина.

Ни к чему объяснять следователю, что ее перевоплощение вынужденное. У нее не было определенного плана, но она подумала о том, что, возможно, ей придется посетить пару-тройку престижных кафе или ресторанов, других мест, когда выяснит, кому она перешла дорогу, и постараться остаться не узнанной. Она не сомневалась, что зверское убийство девочки и смерть ее сына – это месть за ее неговорчивость, принципиальность в работе. Но вот когда это случилось? В день она рассматривала несколько дел. А сколько за месяц?

Она все больше склонялась к версии, что ее все же "заказал" очень солидный клиент. Сам, разумеется, руки марать не стал, нанял пару подонков. Но не наркоманов, которых в

последнее время все чаще используют в качестве исполнителей в заказных убийствах. Преступники сработали так чисто, что в ходе следствия была выдвинута только одна версия, выдвигать другие не было оснований. Работали профессионалы высокого уровня, дело свое знают, если и оставляют следы, то глубоко продуманные.

Подобные операции тщательно планируются, на это уходит много времени. Месяц, два? – спрашивала она себя.

Отчетливо вспомнила пару судебных разбирательств. Одно касалось ареста счетов крупной финансово-промышленной группы, наложенного прокурором и опротестованного в районном суде. Прокурор действовал в соответствии с законом, и протест адвоката судья Ширяева отклонила. Второе слушание касалось фонда помощи потерпевшим от экономических преступлений. Как выяснилось, фонд сам занимался мошенничеством.

В обоих случаях финансисты потеряли очень крупные суммы денег, на судью пытались давить, предлагали взятку. А вот прямая угроза в ее адрес прозвучала совсем недавно, но судья посчитала ее эмоциональным всплеском отца обвиняемого в изнасиловании несовершеннолетней. Собственно, Ширяева не рассматривала это дело по существу, а принимала промежуточное решение, касающееся только меры пресечения. Однако прямые угрозы, как правило, не ведут к преступлениям, подобным тому, что произошло в квартире судьи. Есть, конечно, исключения.

Ширяева возобновила разговор со следователем:

– Кстати, хочу тебя поблагодарить за то, что ты не отправил отца девочки в следственный изолятор.

Маргелов скривился.

– Валя, не играй на публику, у меня в кабинете ее нет. Если есть что сказать всерьез – говори. И вообще, не крути со мной, я вижу тебя насквозь, запомни.

Ширяева молча кивнула. Пожалуй, она зря поблагодарила следователя, ей действительно стало стыдно. "Зачем? – думала Валентина. – Это Сергею Белоногову можно было говорить о своей совести, долге, чести и прочих высоких понятиях".

Она заговорила о той помощи, которую могла оказать Михайлову. Для этого нужно изменить показания врачей клиники, где скончался Илья. Сделать так, чтобы причиной его смерти в основном стали не травмы, нанесенные ему, а врожденная патология сердца, которое, как у всех, страдающих болезнью Дауна, было рыхлое, огромных размеров. Судя по всему, врачи охотно изменят свои выводы, если к ним обратиться соответствующим образом и определенным лицам. По большому счету, медики сочтут такой поступок чисто человеческим, так как просить об этом будет сама Валентина, а поменять показания следователю труда не составит. Что касается прокурора, тот останется равнодушен, а может быть, одобрит действия судьи.

Если врачи изменят показания, Михайлову грозит макси-

мум год исправительных работ. Оправдательного приговора, конечно же, от судей не дождешься – не позволяет законодательство, о помиловании тоже не могло быть речи. Но если отец Светы получит символический срок – это все, что на данном этапе могла сделать Валентина.

Маргелов внимательно выслушал ее и согласно кивнул головой.

Она поблагодарила следователя и попрощалась. Выходя из его кабинета, обернулась:

– Я и тебя видела на похоронах сына. Почему не подошел?

– Не знаю, – честно ответил следователь и опустил глаза. –

Я не умею сочувствовать.

– Не ври, Вася. Просто ты знаешь, что я не умею принимать соболезнования.

Маргелов пожал плечами: "Пусть будет так".

В начале первого Ширяева, толкнув решетчатую дверь, вошла в полуподвальное помещение в своем подъезде. С влажными от конденсата стенами, вдоль которых проходили трубы, оно служило мастерской для слесаря-сантехника. Влага стояла такая, что пришлось заменить обычную дверь на решетчатую. Даже слесарные инструменты сантехник хранил в промасленной ветоши.

Он поднял глаза и поздоровался.

– Зайдите в сорок седьмую, пожалуйста, – попросила Ширяева.

– В сорок седьмую? – он почесал за ухом. – А что у вас случилось?

Прямолинейный вопрос, без задней мысли.

– У меня засорилась раковина, – ответила она.

– Сейчас поднимусь, – сантехник подошел к шкафу и освободил из-под тряпок металлический ящик с инструментами.

Она оставила дверь приоткрытой и прошла на кухню, быстро приготовив легкую закуску и поставив на стол бутылку водки. Когда слесарь появился на кухне, она предложила ему место за столом, обращаясь к нему на "ты":

– Присаживайся. Тебя Костей зовут?

– Может, сначала я раковину прочищу? – не совсем уве-

ренно проговорил сантехник, поглядывая на угощение.

Вообще-то он привык к подобным приемам, очень часто его работа начиналась именно со ста граммов.

Огрубевшей рукой Костя поднял рюмку, мысленно послав хозяйке "благодарствую", и выпил.

– Закусывай, – Валентина пододвинула тарелку с колбасой и свежими огурцами. Она долго проработала следователем и знала, как и с чего начать разговор. Вот этого парня можно сразу спросить, причем в лоб: "Костя, кто тебя напоил в день убийства Светы Михайловой?"

Он так и знал, что раковина у судьи в полном порядке. Но пошел. Ему самому не давала покоя мысль – почему он отрубился в тот день. Судя по всему, выпил лишь бутылку с небольшим. А если учесть, что кто-то все же составил ему компанию, то максимум – бутылку. Но Костя иной раз принимал на грудь по литру – и ничего. Почему он решил, что кто-то составил ему компанию? Потому, что он никогда не пьет один, в крайнем случае, плеснет в стакан какому-нибудь ханыге: и доброе дело сделает, и не отступит от своих правил.

Она спросила. Он в ответ пожал плечами.

– Не знаю. Заспал. По-моему, какой-то парень подходил ко мне, искал знакомого.

– И он же угостил тебя, так?

– Не помню, Валентина Петровна, заспал, ей-богу. Вообще я редко в отруб напиваюсь. Да еще жарко было. А у меня

в помещении влажно, как в тропиках.

– А странного ты ничего не припомнишь в этот день? Когда проснулся, например.

– Странного?.. – Костя пригладил растрепавшуюся шевелюру. – Да вроде нет. Только замок долго искал – а он лежал на столе.

– Почему же ты его долго искал?

– Потому что место ему я определил давно: замыкаю его на решетке двери, а ключ кладу в карман – это уже правило. Когда выхожу из слесарки – вот он, перед глазами. – Костя помолчал, пряча глаза. – Знаете, Валентина Петровна, я ведь тоже не верю, что Свету убил Илья. Я же видел, как он к детям относился.

– Спасибо тебе, Костя, – Валентина в знак благодарности коснулась руки слесаря.

– Я хотел Грача расспросить, думаю, может, он видел меня в тот день.

– Какого Грача? – не поняла судья.

– Да соседа вашего, из сорок восьмой, – сориентировавшись, Костя указал себе за спину, – Вовку Грачевского. Он постоянно на улице торчит рядом с матерью. Она торгует, он помогает ей товар из дома принести-отнести. У него позиция хорошая – и двор наполовину видно, и магазин. Как только кто-то из знакомых с "пузырем" появится, он тут же охвостится. Весь день может пить, но, как в кино, никогда не пьянеет.

Валентина продолжала слушать слесаря. Конечно же, она неплохо знала своих соседей. Когда работала следователем, помогла матери Грачевского написать коллективную характеристику на сына, которому было предъявлено обвинение по статье 144 – кража. Побеседовала она тогда со следователем и самим Грачевским. Он совершил только одну кражу – впервые. А ушлый следователь, на котором висело два десятка таких же нераскрытых дел, профессионально уговаривал арестованного взять на себя хотя бы десяток: какая разница, что одна кража, что десять, все равно "двушка" светит, зато следователь расстарается, и дело уйдет в суд вполне симпатичным.

Володя во время второго допроса уже изучал подробности нераскрытых дел: адреса, что украл, каким способом проник в квартиру. И вдоволь курил: следователь, которому на каждого подопечного выдавалось в месяц семь рублей с копейками, выделял по пачке "Примы" в день.

"Сколько ты на него повесил?" – спросила Валентина во время первой встречи. Следователь прикинулся дурачком. "Слушай, друг, – посоветовала она, – не делай из парня героя. На киче сидят не дураки, с двумя десятками краж за спиной его подтянут к себе авторитеты, в течение года-двух будут одни и те же разговоры – о кражах, деньгах, "свободной" жизни. Когда он освободится, его найдут, дадут денег – что дальше, не мне тебе объяснять. Если он откажется, друзья по зоне надуют губы: "Обижаешь". А такое слово многое

значит даже на воле: "Значит, ты забыл, как глотал чай с конфетами, прикалывался колбаской, салом. И кто тебе шконку в проделе выделил – тоже не помнишь?" А с одной кражей у него есть шанс тихо отбарабанить свой срок. Дай-ка я с ним поговорю".

Вроде бы все усвоил Грачевский во время разговора с Ширяевой, но обвинили его в двенадцати кражах личного имущества граждан и осудили на полтора года. Повторное преступление, совершенное по однородной статье, называется рецидивом. Не прошло и месяца, как он освободился, – его снова взяли под стражу. Во второй раз ему грозил срок до десяти лет, дали только пять. В третий раз – семь, но он вышел раньше, попав под амнистию. И, как ни странно, "завязал". Но сел матери на шею.

Валентина налила слесарю еще одну рюмку.

– Не в службу, а в дружбу, Костя. Сходи, пожалуйста, за Грачевским. Если он не согласится...

– Согласится, – заверил сантехник, опорожнив рюмку.

Владимир Грачевский появился в квартире судьи в привычной экипировке: в китайском спортивном костюме и тапочках. Издали могло показаться, что на его руках синие перчатки – они сплошь были покрыты татуировкой. Внешность у него была типичной для людей его профессии: худой, сутулый, голубые бесцеремонные глаза смотрят с поволокой, более чем уверенно.

Он вошел с сигаретой в руке и, присаживаясь, стряхнул пепел в пепельницу. По привычке, как уважающий себя и собеседника человек, выложил на стол пачку сигарет и зажигалку.

Валентина уже приготовила для него рюмку и налила водки. Прежде чем предложить гостю выпить, прямо спросила: – Володя, хочешь мне помочь?

Грачевский моргнул густыми ресницами и медленно перевел взгляд на сантехника, опустившегося на стул.

– Костян, погуляй. Только без обиды.

Костя поспешно встал, но был остановлен хозяйкой. Он выпил налитую ему водку и, подхватив ящик с инструментами, вышел.

До своей рюмки Грачевский не дотронулся. Он потушил сигарету и тут же прикурил другую.

– Короче, – после продолжительной паузы начал он, – раз-

говор будет, показаний – нет.

И заметил, как задрожала рука Ширяевой. Валентина, глядя поверх головы соседа, твердила про себя: "Он видел их. Он видел..."

Она встала.

– Я сейчас, – тронула Грачевского за плечо и направилась в ванную.

Она долго умывалась холодной водой. Тушь с ресниц попала в глаза. Оставляя на полотенце черные пятна, вытерла лицо и еще долго смотрела на свое бледное отражение в зеркале. Она верила и нет, что так быстро смогла выйти на след убийц. Для нее, бывшего следователя, это была немалая зацепка.

За время ее отсутствия сосед так и не прикоснулся к рюмке. Он был на четыре года моложе Ширяевой, но выглядели они ровесниками: не потому, что Валентина помолодела, сбросив лишний десяток килограммов и подобрав определенный стиль в одежде, а из-за самого Грачевского. Зона сделала свое дело, состарив его на пять-шесть лет.

– Иначе бы я не позвала тебя, – сказала она, возвращаясь к разговору. – В день убийства кто-то угощал сантехника водкой. Ты видел этого человека?

– Их было двое. Я давно приметил, что парни что-то затевают. Но предупредил бы тебя, если бы знал, чем все закончится. Я думал, они хату хотят "поставить". Не исключал, что твою. Ты хорошо зарабатываешь, одеваешься скромно,

значит, деньги в чулок складываешь. Но я бы, например, ни за что не вломился на хату к судье – "потолок" светит. И еще я не разобрался в одном существенном моменте. Они снимали Илью на видеокамеру.

– Что ты говоришь, Володя? – хозяйка резко подалась вперед.

– Говорю, что не разобрался. Их машина стояла почти напротив четвертого подъезда, но ближе к углу, я все видел. Потом – якобы ноги размять – встал и прошелся до бакалейного киоска, глянул незаметно назад. Оказалось, что они снимают Илью, он как раз через скакалку прыгал.

– А ну-ка рассказывай все в деталях.

Грачевский уложился в пять минут, помолчал, глядя перед собой.

– Круто они обошлись с тобой.

Валентина остановила его прикосновением руки.

– Не со мной, Володя, не со мной.

– Ты не липни, Валентина Петровна. С тобой они разобрались. Другое дело – как. Ты не обижайся, но я с тобой говорю только из-за Светки Михайловой. Я не конченный человек, понимаю, что одного Илью им не резон было убивать. – Лицо Грачевского осталось спокойным, когда он произнес: – Я бы снова сел, если б знал, что они попадут ко мне в "хату".

Когда Грачевского в девятнадцатилетнем возрасте этапом из тюрьмы привезли на зону, первые слова, которые он услышал из "официальных" уст, принадлежали ДПНК (дежурный

помощник начальника колонии). Он выстроил прибывших заключенных и, пройдясь вдоль шеренги, буднично изрек:

– Сиповки, корольки, педерасты шаг вперед!

Из строя вышел "опущенный", пролежавший во время этапа под лавкой.

– За что продырявили? – поинтересовался ДПНК. И, не дождавшись ответа, отдал распоряжение прапорщику: – Во второй отряд.

Грачевский никак не ожидал, что менты на зоне используют жаргон заключенных. Но быстро привык. Его уже не удивляли ни "женские" дни по четвергам, когда в бане мылись педерасты, ни отдельные краны, расположенные по краям умывальника, которыми пользовались опущенные. У него не было денег, чтобы купить тумбочку и место на нижнем ярусе, заплатить "быкам" в столовой за ежедневную пайку белого хлеба с маргарином. Пока ему были неведомы такие вещи. Когда он вымылся в бане и ему выдали новую рубу, к нему подошел заключенный:

– Брат, завтра парнишка выходит из шизо, нужна новая рубашка. Взамен получишь другую.

Естественно, Грачевский не отказал. Тут же получил инструктаж: "Крайние краны в умывальнике не трогай, на крайнее "очко" в туалете не садись – они пиньчовские". Ничего не понял, когда его вызвал к себе начальник отряда, приготовившийся записывать за подопечным:

– Будешь воровать или работать?

Воровать означало либо отстегивать бригадиру деньги за рабочую норму, либо не работать демонстративно и не вылезать из штрафного изолятора. Работать – значит стать "мужиком", работягой, которые на зонах составляют подавляющее большинство. С первым он не разобрался и ответил, что будет работать.

Как и предвидела Валентина, Грачевского в первый же день подтянули к себе жулики – или парни, – неработающее сословие на зонах. У Володи была котирующаяся в колонии статья, его взяли в семью земляки, авансом выдали тумбочку, показали место на нижнем ярусе. Потом попросили написать матери письмо. Он не подчинился чужой воле, просто понимал, что без денег на зоне пропадешь. Вот уже месяц он не работал, братва отстегивала за него бригадиру, за тот же белый хлеб в столовой, за сигареты, чай.

Мать послала почтовым переводом триста рублей на имя, указанное в письме сыном. Через неделю прапорщик вручил Грачевскому двести пятьдесят. В этот вечер в продоле, где жил Володя, дольше обычного пили чай, хрустя карамелью. Он хотел расплатиться, но понял, что делать этого не стоит – он быстро становился человеком с понятием. Просто, вынимая деньги, сказал: "На общак". И уже окончательно влился в семью.

Впрочем, они не бедствовали, взяли к себе в семью лоха с богатыми родителями на воле. Раскрутили его на "бабки" легко. По понятиям тот – не парняга, сам знал об этом, но

без проблем отбарабанил срок под опекой жуликов.

Бог миловал – только один раз Грачевский отсидел в штрафном изоляторе десять суток, хотя мог бы и больше. Дело было зимой, он пошел в баню, за козырек шапки положил лезвие для бритвы, которое не положено держать даже в тумбочке, для этого на зонах есть парикмахерские. Остановил поддатый мент, ни с того ни с сего начал шмонать, сунул руку за козырек и обрезался.

В штабе Грачу надавали мялок и отправили в шизо. Но все равно и там мстительный прапорщик мог сыграть с Грачевским злую шутку, договорившись с дежурным. Дежурный штрафного изолятора, прежде чем поместить арестованного в камеру, как обычно, поинтересовался:

– В какую пойдешь?

– В пятнадцатую, – ответил Грачевский. Тринадцатая была закреплена за опущенными, четырнадцатая за "козлами", теми, кто работал на ментов зоны: бывшие пожарники, заключенные из хозотряда, бригадиры, шныри и прочие, состоящие в различных секциях: СПИ – секция погашения иска, СВП – секция внутреннего порядка, членов которой звали несколько проще: сука вышла погулять, СПП – секция профилактики правонарушений, или – среди заключенных – секция полупедерастов.

Так вот порезавшийся мент мог подговорить товарища, и тогда Грачевского ждала либо тринадцатая, либо четырнадцатая камера. И выход оттуда был соответствующим: в про-

дол к "козлам" или опущенным. А так он спокойно шагнул за порог пятнадцатой, где содержались парни и мужики.

После отсидки встречала его семья соответственно: черная новая роба с пришитым уже ярлыком (синие спецовки носили мужики), рубашка, сапоги, в тумбочке чай, конфеты. И дружеские улыбки парней были искренними.

Когда Грачевский попал за решетку во второй раз, все было проще: камера в тюрьме для строгачей, потом зона строгого режима, где он сделал первую наколку. Над его телом работал мастер высокого класса: храм, выколотый на груди, словно излучал сияние семи куполов – количество лет, проведенных в неволе. Куполов прибавилось, когда он сел в третий раз, да и руки посинели.

Всю свою жизнь он был вором, за колючей проволокой видел и насильников, и убийц, и садистов, но по своим понятиям ни разу не поднял руку на человека. Ни разу. Видел, как что-то замышлялось против судьи, но не мог предположить, что вскоре случится кровавое изуверство над девочкой.

Он не кичился, когда говорил судье, что не пожалел бы снова оказаться за решеткой, лишь бы повстречаться в камере с этими живодерами. И руки бы не поднял на них, все бы случилось достаточно прозаично.

Но если те и попадут когда-нибудь за решетку, в тюрьме у них будет отдельная камера, на зоне их не тронут, а встретят свои же братки, у которых напрочь отсутствуют воровские понятия – только стригутся под братву, а так все гнилые из-

нутри.

Что случилось с зоной? – простодушно размышлял Грачевский, без сна ворочаясь в кровати. Парнями становятся насильники, садисты – раньше такого не было, воры держали зону, даже не начальник колонии и его заместитель по режиму. Мало того, что всю волю испоганили новорусские братки, теперь вот и до зоны добрались.

"Вообще на зонах драки редки, но вот попадешь туда снова, – продолжил размышления Грачевский, – а тебя какой-нибудь бычара несуразный встретит вопросом: "Ты кто, брат?" Они и жаргон хорошо изучили, но неправильно поймут, когда ответишь: "Ты, случаем, в глаза не долбишься?"

Да, осквернили зону. И раньше не тянуло туда, а сейчас и подавно.

– Ты куда, Вов? – мать приподнялась на кровати, щурясь на свет в коридоре.

– Спи, мам. Я к соседке зайду ненадолго.

– Похмелиться, что ли? Так у меня есть бутылка вина. За холодильником спрятала.

Он не ответил. Как всегда, закурил в прихожей и вышел.

Мать заметила, что сегодня вечером Вовка совсем не пил. Последний раз попросил у нее на бутылку вина в обед. Потом на два часа исчез куда-то. Сходил по ее просьбе в магазин за туалетной бумагой, принес пятнадцать рулонов, она их быстро продала. Заканчивались сигареты – думала, не пойдет, однако сходил на оптовый рынок. И до самого вечера

просидел рядом. Она все удивлялась: "Как ты можешь целыми днями сидеть на корточках?" Когда начало смеркаться, он подхватил ящик, сумку с товаром, и они пошли домой.

Заболел, что ли, думала мать, вставая и гася в коридоре свет. И тут же услышала, как щелкнул замок соседской квартиры. Она припала к "глазку": ее Вовка входил в квартиру судьи. Мать перекрестилась: "Чай, не с ума сошел..."

Пропуская ночного гостя, Ширяева даже не поинтересовалась, зачем тот пришел. Сонными глазами она проводила его до кухни и зашла в ванную умыться. Поверх ночной сорочки набросила халат и присоединилась к Грачевскому.

Вчера Валентина спросила его: "Почему ты не выпил? Понятия не позволяют?" Спросила откровенную глупость, однако не знала истинной причины. До сегодняшнего дня он, как сказал сантехник, занимал выгодную позицию, чтобы вовремя охвоститься, не пропускал ни одной рюмки.

"Да, понятия, – ответил он. – Только другие. Ты, Валентина Петровна, не угощала меня".

И вышел, не попрощавшись.

Она быстро разобралась, что к чему. Она действительно не угощала его, а он понял это быстрее, чем переступил порог ее квартиры. Он не захотел оказывать ей услугу, а решил просто помочь. Он поступил по-человечески.

В ушах женщины еще долго стоял его голос: "Я с тобой говорю только из-за Светки Михайловой". Ниже ее достоинства было оправдываться перед этим человеком, ибо он опять же не сможет до конца понять ее. Она мать, смерть девочки так же сильно могла волновать ее, но та не была родной.

Она была бы рада, если бы Володя смог прочесть эти мыс-

ли в ее глазах. Огорчился, но не обиделся за своеобразную сделку: я тебе выпить, ты мне все рассказываешь. Все оттого, что многие, и она в том числе, видели в нем только пьяницу, ханыгу, с натягом – бывшего вора, который вот уже четвертый год на свободе. В свое время она сделала что могла для его матери, для него самого, но результат получился отрицательным. Причем на многие, многие годы.

Валентина поставила на плиту чайник, на стол – две чашки, банку растворимого кофе. Надтреснутым от сна голосом спросила:

– Кофе будешь или чай? – По инерции в голове пронеслось: "Или снова откажешься?"

– Кофе давно не пил. – Он сидел за столом, закинув ногу за ногу.

Снова молчание. От Грачевского пахло потом и немывыми ногами. "Молния" спортивной куртки расстегнута до середины, открывая на обозрение храм с куполами. Ширяева только сейчас обратила внимание, что на подъеме ноги у Грачевского вытатуировано какое-то слово. Она прищурилась и прочла: "Мои". Он поймал ее взгляд и поменял местами ноги. На другой было написано: "Ноги".

Чувствуя, что сейчас рассмеется, Валентина спросила:

– Зачем?

– Чтобы не украли. – Он улыбнулся, показывая золотые фиксы. – Лучше спросила бы, зачем я к тебе пришел.

– Давно кофе не пил – для меня этого достаточно.

– Смех смехом, однажды я ехал на пригородном поезде, в одном купе со мной мужик с бабой – не женатые, сожители, я сразу определил. Она его все салатом из банки угощала, а он: "Спасибо, спасибо, Наденька". Потом вдруг выдал, когда Наденька термос открыла и чай наливала: "Я кофе шесть лет не пил". Она спрашивает: "Почему?" А он развел руки в стороны: "Не было".

Грачевский посмотрел на улыбающуюся хозяйку и посе-
ррезнул.

– Я к тебе с предложением пришел. Не знаю, что ты задумала, но одной тебе не справиться.

– Почему ты решил, что я одна? – Она сняла чайник с плиты и разлила кипяток по чашкам.

Гость качнул головой и пожал плечами:

– Не знаю... Так берешь меня в помощники?.. Я видел только двух человек, но у тех на роже написано – бакланы, могут только наехать и морду набить, на большее не способны. А вот основные появились только в день убийства, я их не видел.

Валентина задумалась. Спрашивать, с чего это сосед возжелал ей помочь, не стала. Чувствует вину? Какая разница, главное – пришел. Одной ей действительно тяжело. Но какая помощь от Грачевского?

Она еще раз осмотрела его, задержав взгляд на татуированной груди, руках, короткой прическе, в очередной раз поймала его открытый, бесцеремонный взгляд.

Пожалуй, дело может принять другой оборот. Меняясь в лучшую или худшую сторону – пока думать об этом рановато, – план Валентины приобретал масштабный характер.

Сощурившись, она посмотрела Грачевскому в глаза.

– Идет. Работа предстоит долгая и сложная. О том, что она опасная, старайся не думать – крепче спать будешь. Но только учти, Вова, слушаться будешь меня беспрекословно. Хоть раз отворишь нос в сторону, и мы с тобой распрощаемся. Согласен?

Грачевский, кивая, усмехнулся: он в три часа ночи пришел с определенным предложением и вот сам же принимает его. Хотя нет, он просто соглашался на условия, поставленные Валентиной. Ему понравился взгляд женщины: хищный, мстительный.

Их рукопожатие чем-то походило на плакат советских времен, где белая рука жмет черную. Сейчас пальцы Валентины сомкнулись на синей руке.

Сегодня Грачевский был одет празднично: белая полинялая рубашка, хорошо отутюженные полушерстяные брюки, светлые носки и туфли. И в таком виде стал еще больше походить на человека с уголовным прошлым. Если бы даже удалось уничтожить наколки на его руках, все равно выдал бы взгляд голубых глаз.

Вот таким выражением глаз на зонах выигрываются молчаливые поединки и урезаются чьи-то шансы на воле, подумала Валентина, пропуская гостя в комнату.

Ее пробуждение совпало с шумом на лестничной клетке, который быстро стих. Сдвинув тюлевую занавеску, она выглянула в окно: Грачевский с сумкой в руке провожал мать на работу. Они о чем-то оживленно переговаривались, жестикулируя свободными руками. Володя был уже в новом "прикиде".

Валентина улыбнулась. Но улыбка тотчас сошла с ее лица. Пожалуй, она не вправе втягивать Грачевского в это опасное мероприятие, сама играет с огнем и парня может погубить.

Стандартное выражение "стал на путь истины" не подходило к нему. Он завязал с прошлым, но не сумел приспособиться к настоящему – именно так, приспособиться. Если бы у него была возможность устроиться на работу, завести новых друзей, сойтись с какой-нибудь одинокой женщиной, он

стал бы другим человеком.

Ему было плохо, Валентина понимала его состояние. Он жил в городе, тем не менее его жизнь походила на деревенскую, в которой напрочь отсутствовал досуг. Ему некуда было пойти; может быть, он стеснялся своего вида, исколотых рук, так как его обходили стороной, смотрели либо откровенно пренебрежительно, либо с опаской. Он, как никто другой, умел разбираться в людях, этому его научила зона, он читал в каждой паре глаз отношение к себе и молча пережигал внутри ненависть к себе и к окружающим. Хотя кто сказал, что он ненавидел окружающих? Нет, скорее всего он смотрел на них с осуждением, да и себя ненавидеть у него не было видимых причин.

Кроме матери, никто не пытался понять Володю Грачевского – от обычного нежелания, нехватки времени. Сидит он на корточках возле матери с тяжелой от вина головой и провожает глазами людей, пронесившихся мимо, как скорые поезда.

А вот вчера его словно подменили. Хотя его глаза никогда не покидала осмысленность, смотреть они стали яснее. На него вдруг обрушился досуг, обусловленный окровавленным трупом девочки и изуродованным телом парня. Дико, что человек почувствовал вкус к жизни при виде кровавого беспредела. Он не стал ни лучше, ни хуже, просто встал с корточек, а жизнь – нет, она продолжает топтать гусиным шагом, оставляя за собой кровавые следы.

Грачевский, проводив мать, поднялся на второй этаж и позвонил в дверь судьи.

– Иди на кухню, – распорядилась Валентина, встречая гостя в халате, а сама прошла в ванную.

Пока она приводила себя в порядок и одевалась, Владимир приготовил завтрак. Валентина с недоумением смотрела на два бутерброда неаппетитного желтого цвета. Невольно скривившись, она спросила:

– Что это?

Гость молча указал ей на стул и посыпал желтую смесь солью. На столе лежала пачка сливочного масла, яичный белок в тарелке. Валентина догадалась, из чего сделан бутерброд, однако откусила с опаской. И зря – бутерброд с яичным желтком и маслом оказался очень вкусным.

– Ты умеешь водить машину? – спросила хозяйка, подхватывая с тарелки ломтик колбасы.

Гость неопределенно пожал плечами.

– На автопогрузчике работал.

– Когда же ты успел?

– Да выбрал время... Работал на "железке", МЧ-3 – погрузочно-разгрузочная станция. Сахар выгружал, сгущенку, крахмал, фантики от конфет.

– Чего?

– Фантики, – повторил Грач, прихлебывая кофе. – В рулонах.

– Приворовывал, наверное.

– Да не без этого.

– Стало быть, машину водить не умеешь, – констатировала женщина, – и правил дорожного движения не знаешь.

– А чего их знать? – удивился Грачевский. – Зеленый – вперед. Красный – стой. Желтый – подпрыгивай от нетерпения на месте.

Валентина усмехнулась и велела соседу принести паспорт.

– Учиться и сдавать экзамены времени у нас нет, придется права покупать.

– Я не знал, что у тебя есть машина.

– У меня нет, а у тебя будет. Иди сюда. – Женщина подвела гостя к зеркалу, расстегнула верхние пуговицы на его рубашке, чтобы была видна часть татуировки. – Ты извини, Володя, но посмотри на свою рожу и скажи, какая машина тебе больше подойдет.

– Мне бы подошел гужевой транспорт, – честно признался Грач.

Валентина посмотрела на часы.

– Однако рано ты пришел, придется мне тебя выгнать. – И добавила строже: – Ровно в десять часов встречаемся в торговом центре "Атлант".

Ирина Архипова допустила маленькую промашку, докладывая Рожнову о том, что его вызывает Венедиктов. На часах без четверти девять – как всегда, Ирина появилась в офисе раньше начальника. Не заходя в кабинет, Михаил Константинович отдал кое-какие распоряжения и отправился на встречу с генералом. Ирина вынуждена была связаться с Венедиктовым.

Может, совсем не обязательно, зная, что их разговор не прослушивается, она перестраховалась:

– Сергей Васильевич? Это секретарь Рожнова. Я передала Михаилу Константиновичу, что вы звонили сегодня и просили его прийти.

Венедиктов не звонил ни сегодня, ни вчера. Накануне вечером он встречался с Ириной у нее дома. "Незапланированная встреча", – улыбаясь, объяснил он, как всегда, появляясь без предупреждения.

За его улыбкой крылось многое, например – он в очередной раз безошибочно "угадал", что хозяйка дома и одна.

Он передал ей обычный набор – бутылку бренди и коробку конфет – и по-хозяйски расположился в кресле.

Ему нравилось, что Ирина всегда извинялась перед ним, если была в халате, и шла переодеваться. Этот, казалось бы, неуместный ритуал – для него. Он выпьет пару рюмок, она

слегка пригубит коньяк и даст ему расстегнуть на себе блузку, чувствуя, как он заводится.

Генерал не мог преодолеть смущения, чтобы попросить хозяйку надеть джинсы. Лишь раз ему довелось держать Ирину в объятиях и сантиметр за сантиметром обнажать ее стройное тело, освобождая от тугих заокеанских штанов. Завелся так, что чуть было не испортил дело в самом начале. Он шептал ей: "Подожди", а сам едва сдерживался.

В тот раз и Ирина получила то, что хотела, а не то, на что обычно рассчитывала.

Да, с переодеванием – это здорово, подумал генерал и представил себе иную ситуацию. Ирина в банном халате сидит напротив, вот она хлопнула рюмку, подмигнула: "Ну что, поперли?" – и брякнулась ему на колени, давая развязать узел на поясе.

Вообще-то тоже ничего, улыбнулся Венедиктов. Ирина не была развязной, все у нее выходило женственно.

"Переодетая" Архипова глазами спросила: "Чему ты улыбаешься?" Он ответил, что вспомнил анекдот. И добавил: "Про Вовочку". Пришлось экстренно вспоминать и рассказывать о том, как Вовочка прибежал домой и с порога крикнул, что получил пятерку, на что мать, не скрывая слез, сообщила: "Горе у нас: твой брат Саша бомбу в царя кинул".

Вчера генерал задержался у Архиповой дольше обычного и попросил передать Рожнову, что ждет его к девяти часам.

Выслушав ее голос по телефону, Венедиктов поблагода-

рил за "маячок", хотя не мог допустить промашки в разговоре с полковником.

Рожнов вернулся в офис только к обеду и велел Архиповой срочно вызвать Олега Шустова.

Ровно через полтора часа Олег вошел в его кабинет.

Обменявшись приветствиями, они сели друг против друга.

– Нам дали зеленый свет по ликвидации Калтыгова, – сообщил полковник. – Подготовка не должна занять больше пяти дней. Тебе завтра же придется выехать на место и определиться визуально. Всем составом выезжать запрещаю. Завтра возьмешь Костерина и Оганесяна, послезавтра – Яцкевича и Белоногова.

– Ладно, – кивнул Олег.

Начальник указал на папку:

– Оперативные данные. По ним разработаешь план операции. Кое-какие соображения у меня есть.

– Оружие? – задал Олег вопрос, который всегда был на первом месте.

– У тех, кого будем подставлять, ничего серьезного нет. Однако мне предложили "списать" пару бельгийских автоматов. Если все пойдет, как я себе это представляю, для подстраховки возьмешь еще и пару "калашниковых".

Насчет списания Олег определился правильно. Есть задействованное неизвестными преступниками оружие, а след отработать пока не удастся. Вот его и спишут на тех, кого

собирается подставить Рожнов. Так действуют многие оперативники, подкидывая оружие во время обыска. Частенько при досмотрах находятся и наркотики, причем в том количестве, которое необходимо для того, чтобы завести уголовное дело.

Нечистоплотная практика, однако в некоторых случаях она позволяла посадить за решетку потенциальных преступников, которых обычными способами к ответственности не привлечешь.

– У нас ровно пять дней? – спросил Олег.

– Уложимся в три – ругать не будут, – пошутил Рожнов.

На следующий день около полудня в автосалон на Киевской, где, кроме отечественных автомобилей, продавали подержанные иномарки, вошел Грачевский. На нем были модные светло-серые туфли, элегантные брюки, черная, как у цыганского барона, рубашка, на шее болталась тяжелая золотая цепь.

– Мне нужна хорошая тачка, – выразил желание Грач.

И услышал от продавца, вставшего навстречу, жуткий набор слов:

– Седан, хэтчбек, универсал?

– Ты где торчал, брат? – спросил Грач. – Ямало-Ненецкий автономный?

Полчаса назад он побывал в парикмахерской, насколько позволяли короткие волосы, постригся. Валентина одобрила: стильно. Затем, по ее настоянию, Грачевский прошел в маникюрный зал. Девушка, вызвавшаяся обслужить клиента, с недоумением смотрела то на модную одежду посетителя, то на его руки. Мало того, что они были синие, ногти Грача основательно заросли; лунки, которые он накануне старательно вычищал спичкой, все равно были черны. Грачевский понял ее недоумение и прояснил ситуацию, поправляя на шее золотую цепь: "От завода на картошку посылали".

В салоне Грачу больше понравились иномарки, на всякий

случай он все же осведомился, когда вылез из салона "Ауди":

– А она точно подержанная?

Менеджер, молодой парень лет двадцати, не нашелся что ответить и промолчал.

Грачевский понаслышке знал, что ушлые продавцы иногда снимают с машин дворники, забирают насосы, домкраты, одним словом, тянут все, что попадает под руку, списывая все на завод-изготовитель, поставивший якобы неукomплектованные машины. Также он был осведомлен, что "Жигули" всех моделей гремят, единственный способ избавиться от неприятного шума – включить погромче музыку.

"Восьмерка" цвета спелой вишни, которую он в конце концов облюбывал, была оснащена отечественной магнитолой. Грач настроил приемник, прибавил громкость, поэкспериментировал с тембрами, спросил у менеджера кассету, чтобы до конца проверить работоспособность магнитолы. У продавца сложилось впечатление, что клиента больше всего интересует дешевый приемник, а не сама машина. Однако кассету принес. Грач удовлетворенно покивал головой: на кассете была его любимая песня "Жить сумасшедшей жизнью", которую часто гоняли продавцы у коммерческих киосков. Он, постоянно находясь с матерью, выучил слова чуть ли не наизусть и сейчас, не обращая на продавца ни малейшего внимания, подпевал.

К продавцу подошел старший менеджер с недельной щетиной на лице и сотовым телефоном на поясе.

– Все нормально? – спросил он.

Продавец пожал плечами.

Старший заглянул в салон.

– Хорошая машина: гудиэровская резина, высокая панель, полуторалитровый двигатель...

– Беру! – Грач, довольный, выглянул из окна.

Начальник подал знак продавцу, и тот открыл капот.

Оформив документы, Грач рывками доехал до ворот и отдал охраннику пропуск на выезд.

– Ворота пошире открой, – попросил он.

Водительское удостоверение он получил сегодня, в назначенный час явившись в ГИБДД. Этому предшествовал вчерашний визит Ширяевой к частному нотариусу, с которым она училась на одном факультете университета. Валентина не распространялась, как прошел ее разговор с нотариусом, клиентами которого являлись очень солидные люди. Тот уладил все дела, не выходя из кабинета. Для людей с деньгами были преодолимы любые преграды.

В двух кварталах от автосалона, на пересечении улиц Киевской и Маслова, Грачевского поджидала Ширяева. Она уже начала нервничать и все чаще бросала взгляды на часы, когда заметила темно-красную машину с включенными аварийными огнями и напряженным Грачевским за рулем. На всякий случай Валентина подняла руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.